

РУССКИЕ ЛЮДИ НА ТАЙМЫРЕ

В XVII—XVIII
СТОЛЕТИЯХ

РУССКИЕ ЛЮДИ НА ТАЙМЫРЕ

В XVII–XVIII СТОЛЕТИЯХ

Красноярск
2023

УДК 94(571.511)
ББК 63.3(2Рос-4Крн-6Тай)
Р893

На обложке фрагмент карты Ф.А. Минина 1740 г.
(РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 11)

Авторы:

глава 1 – кандидат исторических наук *П.Н. Барахович*;
глава 2 – *Д.Н. Лысенко, Н.С. Степанов, М.В. Михайлова*

Р893 **Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях** /
П.Н. Барахович, Д.Н. Лысенко, Н.С. Степанов, М.В. Михайлова. – Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-907558-53-3

Настоящее издание призвано познакомить с историей освоения русскими людьми Таймырского полуострова в XVII–XVIII вв. В центре внимания авторов – деятельность русских землепроходцев, промысловиков и профессиональных мореплавателей в регионе. Особое внимание уделено уникальным памятникам археологии, расположенным на Таймыре, – русским зимовьям.

УДК 94(571.511)
ББК 63.3(2Рос-4Крн-6Тай)

ISBN 978-5-907558-53-3

© АНО «Археологическое исследование Сибири», 2023
© Барахович П.Н., Лысенко Д.Н., Степанов Н.С., Михайлова М.В., 2023

Введение

Полуостров Таймыр является самой северной частью Евразии. Однако, несмотря на суровый климат, его пространства издревле осваивались человеком. Южную часть полуострова регулярно навещали группы скотоводов, рыболовов и охотников. Ко времени прихода в этот район русских людей (начало XVII столетия) здесь кочевали самоедские роды со стадами оленей.

Русский промысловик, уроженец Поморья, шел через Мангазею и Туруханское зимовье к Таймыру за пушным зверем и поэтому постепенно западная, южная и восточная части полуострова покрылись сетью промысловых зимовий. Вслед за промысловиками в этот край двигались служилые люди – представители власти, которые собирали ясак с коренного населения и таможенную пошлину с русских людей.

Северная оконечность Таймыра оставалась недоступной для полярных мореходов. Все попытки обогнуть полуостров в XVII–XVIII столетиях окончились неудачами из-за тяжелой ледовой обстановки. Только благодаря героическим усилиям участников Второй Камчатской экспедиции лейтенанта Х.П. Лаптева и штурмана С.И. Челюскина берега Таймыра были обследованы.

Несмотря на то что Таймыр активно исследовался в XVIII–XX столетиях, все еще сохраняется простор для изучения его истории и археологии. Дело в том, что существенное количество сведений из документов XVII–XVIII вв. об освоении Таймыра не введено в научный оборот, а также не публиковались данные об археологическом обследовании старинных зимовий на полуострове.

В 2017–2021 гг. силами Арктического отряда ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания» было предпринято изучение Таймыра.

Археологические работы выполнялись на основании открытых листов, выданных на имя Н.С. Степанова, Д.Н. Лысенко, М.В. Михайловой. В разное время в них участвовали кандидат исторических наук Г.П. Визгалов, А.В. Гоман (2017), кандидат географических наук А.М. Клементьев (2019), Н.С. Муратов (2017, 2018), В.А. Будилов (2017), Ф.Ф. Казимов, М.Н. Мещерин.

Настоящее издание призвано познакомить читателя с историей освоения русскими людьми Таймыра в XVII–XVIII столетиях, а также с результатами полевых исследований, проведенных ООО НПО «АПИ».

Неоценимую помощь в работе отряда оказали: начальник полярной станции «Сопочная карга» А.А. Быстров; рыбак пос. Иннокентьевск В.В. Шестаков, капитан судна «Бристоль» А.В. Патюков; житель пос. Диксон С.В. Сурков; сотрудники пограничной службы ФСБ и МЧС, курировавшие безопасность и законность работы отряда в Арктической зоне РФ на протяжении 6 лет.

Издание было подготовлено при поддержке Фонда Президентских грантов в рамках проекта «Первые русские полярные мореходы у берегов Таймыра» (заявка № 22-1-000931).

Глава 1.

Русское освоение Таймыра в XVII–XVIII столетиях

О богатых пушным зверем землях в низовьях Енисея русские люди знали уже в конце XVI столетия в результате торговых контактов с самоедами (коренными жителями севера Западной Сибири). «Плацдармом» для проникновения русских промысловиков на эти территории послужила местность в районе среднего течения реки Таз (впадает в Тазовскую губу, смыкающуюся с Обской губой), именуемая «Мангазеей» по названию обитавшего здесь самоедского рода. В 1601 г. на Тазе возвели знаменитый Мангазейский город, ставший центром обширного уезда, управлявшегося воеводами, присылаемыми из столицы¹.

Первоначально существенная часть русских людей шла в Мангазею морским путем, начинавшимся в низовьях рек Северной Двины и Мезени. Русские мореходы в ходе короткой летней навигации на своих кочах (судах, приспособленных для плавания в северных водах) огибали мыс Канин нос либо, чтобы сократить путь, перетаскивали суда по волоку, образованному на полуострове Канин реками Чижей и Чешой, в Чешскую губу. Затем, минуя о. Колгуев, через пролив Югорский шар (между о. Вайгач и материком) шли в сторону Байдарацкой губы (западнее Ямала). Далее они преодолевали волок на Ямале через реки Мутная и Зеленая и попадали в Обскую губу, откуда – в русло Таза². Вполне естественным было то, что Мангазейский уезд заселялся преимущественно уроженцами Русского Севера (Поморья).

¹ Буцинский П.Н. Сочинения: в 2 т. М., 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым, Кетск. Тюмень. С. 15–22, 27.

² Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. С. 87, 88.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

Из таких сибирских городов, как Тобольск, Тюмень, Сургут и Березов, люди шли в Мангазею минуя реки Обского бассейна и опасную для мореплавателей Обскую губу.

После основания Мангазеи русскими людьми был освоен путь с Таза на Енисей, проходивший через волок к левому притоку Енисея р. Турухану, вблизи устья которого возникло Туруханское зимовье. Отсюда открывалась дорога на Таймыр, населенный в то время самоедоязычными группами. В те годы логика движения русских людей была обусловлена истощением естественных запасов пушнины (прежде всего, соболя) в Западной Сибири из-за ее интенсивного промысла. Во второй половине XVII столетия этот фактор повлияет на перенос уездного центра из Мангазеи в Туруханское зимовье (Туруханск), ставшее городом Новой Мангазеей (1672).

Из Туруханского зимовья промысловики двигались к устью Енисея и далее через Енисейский залив (губу) к берегам р. Пясины (Пясиды). Как писал Г.Ф. Миллер, некогда вся территория в низовьях Енисея именовалась «Пясидой», что означало на языке самоедов «плоская местность, лишенная леса»³.

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 30.

Рис. 1. Фрагмент чертежа Мангазейского уезда из «Служебной чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова и его сыновей. Составлена в 1702–1730 гг.

Ранние известия об интересе русских людей к Западному Таймыру и руслу Пясины в начале 1600-х гг. содержатся в сочинении голландского коммерсанта Исаака Массы, который жил в России с 1601 по 1609 г.⁴ Первая задокументированная попытка проплыть до устья Пясины относится к 1610 г. В феврале 1616 г. тобольские воеводы сообщили в Москву о плавании двинян (выходцев из Двинской земли, что в бассейне Се-

⁴ Троицкий В.А. Развитие географических представлений о полуострове Таймыр (до начала систематических съемок в 20-х годах XX в.): дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1975. С. 26–29.

верной Двины) Кондратия (Кондрашки) Курочкина (Куркина) и Осипа Щипунова. В 1610 г. Курочкин «с товарищи» пришли из Мангазеи к «Николе на Турухан» (т.е. в Туруханское зимовье, где на тот момент стояла Никольская церковь). Здесь они построили кочи и двинулись вниз по Енисею, устья которого достигли через четыре недели пути, «о Петрово заговенье» (видимо, в июне 1610 г.). Обнаружилось, что енисейское устье «занесло из моря льдом, а лед давной, ни о которую пору не изводитца, в толщину сажен тритцети и больши». Около пяти недель путешественники стояли в устье реки, после чего решили было вернуться обратно в Туруханское зимовье, однако в это время «потянул полуденной» (южный) ветер, который разметал льдины. После того как устье Енисея и море «прочистились», Курочкин и его люди двигались вдоль берега два дня и затем «въехали» в устье Пясины, которое оказалось свободным ото льда⁵.

Известно, что 1610-е гг. русские люди регулярно приходили в бассейн Пясины. К примеру, в 1614–1615 гг. мангазейские воеводы Иван Биркин и Воин Новокщенов расспрашивали промысловиков, вернувшихся с Нижней Тунгуски и Пясины, про морские пути в полярных водах⁶.

Вслед за промысловиками на Пясины двигались представители власти, о чем свидетельствует начавшееся в 1614 г. обьясачивание «пясинской самоеди». В 1618 г. ясак (натуральный налог пушниной) дали 26 самоедов. Летом 1619 г. в Мангазею с Пясины вернулись два казачьих отряда, один под началом Никифора Стародубца (отправлен в 1617 г.) и второй

⁵ РГАДА. Ф. 199. Д. 542. Л. 65–67 об. Также см. Буцинский П.Н. Сочинения: в 2 т. М., 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым, Кетск. Тюмень. С. 14, 15. Документы о плавании Куркина (Курочкина) были обнаружены во время Второй Камчатской экспедиции. Г.Ф. Миллер на их основании впервые рассказал об этом эпизоде, см. Миллер. Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 30, 271–273 (документ № 116).

⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 542. Л. 100 об. – 101 об.

во главе со Смирным Ивановым (послан в 1618 г.), которыми было привезено 75 соболей и 16 соболиных «пупков» (отрезков меха с животов соболей)⁷. Возможно, соболь был добыт в верховьях Пясины.

Во второй половине 1610-х гг. с подачи тобольского воеводы Ивана Куракина возник вопрос о возможном проникновении западноевропейских («немецких») кораблей, минуя архангельскую таможню, в Мангазею и устье Енисея. Тревогу тобольских властей вызвали попытки иноземцев разведать у русских мореплавателей путь на восток и пройти им самостоятельно, а также сообщения самоедов о появлении больших кораблей близ их стойбищ. Подвели князя Куракина и географические представления о севере Сибири, поскольку он считал, что Новая Земля, путь к которой хорошо был известен иностранцам, находится напротив енисейского устья⁸. Наряду с этим опрошенные по поручению тобольского воеводы в Мангазее русские люди и самоедские аманаты (заложники) утверждали, что «из енисейского устья и из Обской губы в море проходу никто никакими судами не бывали и немецких людей и кораблей на море и на енисейском устье не видали». В 1616 г. мангазейские воеводы послали через Туруханское зимовье к енисейскому устью тобольского стрельца Мишку Иванова во главе 10 человек. Этот отряд дошел на корабле до енисейского устья, но не сумел пройти дальше из-за больших льдов. Здесь путешественники провели две недели, после чего вернулись в Туруханское зимовье. По возвращении Мишка поведал, что люди в районе енисейского устья «не живут, и признак юртовых не видали ж, а лесу никакова на енисейском устье и подле морю нет же, все места пришли мокры, озера и болота, а по низким местам снега и льды лежат высокие»⁹.

⁷ Миллер. Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 30.

⁸ РГАДА. Ф. 199. Д. 542. Л. 68, 75, 76.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Д. 542. Л. 100–101.

Несмотря ни на что, государевой грамотой от 29 ноября 1619 г. «морской ход» из Белого моря в Мангазею был запрещен русским людям, чтобы через них о нем не узнали «немцы»¹⁰. На самом деле для иностранцев непреодолимой преградой был полуостров Ямал, поскольку их крупные корабли невозможно было перемещать по волоку между местными реками.

После этого события функционировало три пути в Мангазейский уезд: упомянутый «морской» – через Обскую губу; путь из Оби через реку Вах, а затем через волок и енисейский приток Елогуй и далее – вниз по Енисею; и наконец, «дорога» через Енисейский острог (основан в 1619 г.). Путь по Обской губе был официально запрещен в 1667 г. из-за его аварийности, а дорогу через Елогуй пытались запретить в начале XVIII столетия, поскольку по ней служилые люди возили товары минуя таможену¹¹.

С конца 1600-х гг. происходило активное продвижение русских людей на территорию Таймыра по местным рекам и сухими путями. Как отмечал М.И. Белов, к 1620-м гг. русские промысловики «прочно обосновались» на Пясине и Хете, где возникали промысловые зимовья. В начале 1630-х гг. они уже заходили в Хатангский залив (одними из первых до устья р. Попигай по Хатанге прошел отряд под началом мангазейского стрельца Ивана Елфимова и промышленного человека Кириллова). Таким образом, завершилась «разведка» путей в западной и южной частях Таймыра. В дальнейшем промысловики и служилые люди ходили из Хатангского залива в устье реки Анабар¹². Так появились предпосылки для фор-

¹⁰ РГАДА. Ф. 199. Д. 542. Л. 86. РИБ. 1875. Т. 2. С. 1075.

¹¹ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. С. 113, 114, 121.

¹² Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. С. 129–133.

мирования «Хатангского тракта» – пути от реки Дудины до Хатангского устья.

В первой половине XVII столетия русские люди посещали и северо-восточную оконечность Таймыра, о чем свидетельствуют стоянки погибших полярных мореходов, обнаруженные в 1940 г. советскими гидрографами с судна «Норд» на острове Фаддея и на берегу залива Симса. В 1941 и 1944 гг. эти стоянки обследовались гидрографами снова, в 1945 г. здесь побывал с археологической экспедицией А.П. Окладников, в 1971 г. памятник осмотрел В.А. Троицкий. В 2020 г. это место посетили участники экспедиции Северного флота, РГО и Морской арктической комплексной экспедиции, которые установили точное расположение объекта в заливе Симса (координаты стоянки на о. Фаддея установить не удалось)¹³.

Среди находок были: человеческие останки; остатки жилища; богатый нумизматический материал, относящийся к промежутку времени начиная с правления Ивана IV и заканчивая началом царствования Михаила Федоровича (до 1617 г.); фрагменты одежды и обуви; нательные кресты; топоры и иные плотницкие инструменты; ножи; солнечные часы; остатки пицалей (старинных русских ружей); свинцовые пули; украшения; металлическая посуда; остатки «склада» пушнины (в т.ч. соболиных шкур) и множество других вещей¹⁴.

О маршруте движения и времени похода погибших мореходов нет единого мнения. Многие исследователи (среди них видные советские ученые Б.О. Долгих, А.П. Окладников, М.И. Белов

¹³ Филин П.А. Исследования следов русской экспедиции XVII в. на острове Фаддея Северный и в заливе Симса // Культурологический журнал. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/522.html&j_id=45 (дата обращения: 12.11.2022). Как пишет автор статьи, «объект в заливе Симса не является досконально изученным и обладает существенным потенциалом для дальнейшего исследования».

¹⁴ Публикация результатов исследований 1940, 1941 и 1945 гг. См. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л., 1951. 252 с.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

и современные исследователи А.А. Бурькин и Л.М. Свердлов) полагали, что мореплавателям удалось обогнуть Таймыр. В противоположность им В.А. Троицкий считал, что путешествие, предпринятое в 30-е гг. XVII в., началось из русла Лены, а позднее пришел к выводу, что из Хатангского устья (последнюю версию повторил Ю.В. Чайковский)¹⁵.

Постепенно в ходе XVII столетия на Таймыре (преимущественно в западной, южной и юго-восточной его частях) формируется сеть русских «поселений», представленных «казенными» ясачными и «частными» зимовьями промысловиков.

В 1620 г. вблизи таймырских пределов появилось казенное Хантайское зимовье (несколько ниже устья правого притока Енисея реки Хантайки). Сюда платили ясак хантайские самоеды, предки современных энцев¹⁶.

В южной части Таймыра опорой царской власти было Пясидское Хетское зимовье (упоминается с 1625 г.), которое, согласно данным Б.О. Долгих, стояло на притоке Хатанги Хете, предположительно в районе устья р. Медвежьей. В 1666 г. это зимовье было уже на р. Аваме (притоке Дудыпты). Вплоть до

¹⁵ Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. С. 89, 153 (работа Б.О. Долгих «Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке» помещена в этой же книге на с. 117–157); Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. С. 129–132; Бурькин А.А. Новое в интерпретации находок из лагеря русских полярных мореходов XVII века на Восточном Таймыре // Бурькин А.А., Соловар В.Н. Исследования по этнографии и фольклору народов Сибири. Тюмень, 2017. С. 14, 15; Свердлов Л.М. Таймырская загадка. М., 2001. С. 34–36; Троицкий В.А. Новые находки на острове Фаддея // Известия ВГО. 1973. Т. 105, вып. 1. С. 62–67; Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 126; Троицкий В.А. Откуда землепроходцы XVII века пришли на Таймыр // Полярный круг: ежегодник. М., 1991. С. 165. Чайковский Ю.В. Мысы Ледовитого напоминают. М., 2015. С. 36–61.

¹⁶ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII. М., 1960. С. 124, 130.

1703 г. зимовье именовалось Пясидским Хетским, но с 1666 г. в некоторых документах именуется Авамским. Сюда приносили ясак предки нганасан – пясидские самоеды, тидирисы (жили по Пясине и ее притокам) и самоеды-тавгийцы (проживали в бассейне Хеты)¹⁷. Основу ясачного платежа составляли олени шкуры.

Известный исследователь истории Сибири В.А. Александров констатировал массовый отток в XVII в. русского населения в тундру Мангазейского уезда, где велся активный промысел песцов, зайцев, волков, лис, белых медведей и иного зверя. На мангазейский рынок шло существенное количество добытых на Таймыре мехов и шкур, а также готовые и полуготовые меховые изделия: шубы; кафтаны; одеяла из песцов, зайчин, волков; пимы-долгари и сокуи самоедские; пыжи олени; бокари олени и др. К концу XVII столетия соболь на территории Мангазейского уезда был почти уничтожен и поэтому сильно возросла роль добычи песка (ареал обитания которого простирался существенно севернее). Как установил В.А. Александров на основании данных таможенных книг, главными районами песцового промысла были устье Енисея и побережье моря вплоть до Пясины. В 1698 г. там была добыта почти половина зарегистрированных таможенными властями песцов (из общего количества в 22 527 шт. – 10 190 шт.), в 1700 г. – почти 60 % (из суммарного числа в 16 200 – 9450 шт.)¹⁸. Определенное значение имел и рыбный промысел в регионе. Добытая в Мангазейском уезде рыба шла на рынок соседнего Енисейского уезда.

На рубеже XVII и XVIII столетий значительная часть русского населения Мангазейского уезда концентрировалось в районе пушных промыслов. По подсчетам В.А. Александрова, из 348

¹⁷ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII. М., 1960. С. 123, 125.

¹⁸ Александров В.А. Русское население Сибири XVII–XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 69, 70.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

учтенных таможенными книгами местных жителей (только мужского пола) 241 человек проживал в низовьях Енисея, на Пясине, Хете и Хатанге (в т.ч. 64 из мангазейских посадских людей и 131 промысловик). Установить размещение 107 человек не удалось. Как отмечал ученый, точное местоположение зимовий в XVII столетии в низовьях Енисея и восточнее устья великой реки установить вряд ли возможно из-за отсутствия о них данных в документах.

На Хатанге население, видимо, также жило в прибрежных районах Ледовитого океана, где в конце столетия рыбный промысел был настолько развит, что с «мережных» ловцов брали специальную пошлину. Согласно данным переписной книги Мангазейского уезда 1720 г. (учитывавшей только мужское население), которые приводит В.А. Александров, из 278 «семей и одиночек», проживавших в уезде, 160 жило непосредственно в Новой Мангазее (Туруханске), 2 – вверх по Енисею от города, 59 – от Туруханска вниз по Енисею (в т.ч. 55 посадских людей), на Пясине – 5, на Дудыпте – 3, на Хете – 6, на Хатанге – 26, в верховьях Нижней Тунгуски – 17. Причем в начале XVIII столетия значительная часть местных жителей проживала в одних и тех же районах на протяжении десятилетий. Общее количество мужского населения Мангазейского уезда исследователь определил в 1 тыс. человек, в т.ч. 700 взрослых¹⁹.

Существенную роль в организации промыслов на Западном Таймыре играл Мангазейский (Туруханский) Троицкий монастырь, основанный чуть севернее устья Нижней Тунгуски (правого притока Енисея) в 1657 г. уроженцем Устья Великого поповским сыном Тимофеем (Тихоном) Семеновым²⁰. Благодаря предприимчивости основателя обители и его последователей, монастырь за полстолетия обзавелся существенным богатством, включавшем пашенные угодья и соляные варницы

¹⁹ Александров В.А. Русское население Сибири XVII–XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 71–75.

²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 106.

в Енисейском уезде, а также промысловые зимовья в Заполярье. Как считал Н.К. Ауэрбах, изучивший сохранившийся архив монастыря, к 1700 г. тот сделался крупнейшим владельцем промыслов Приенисейского Севера. По подсчетам ученого, в первой половине XVIII столетия обитель владела как минимум 23 зимовьями (22 из них располагались на правом берегу Енисея, Енисейского залива и на западе Таймыра). Причем семь зимовий, расположенных от Енисейского залива до Пясинского устья, были куплены монастырем у промышленного человека Тошина в 1710 г. Промыслы эксплуатировались монастырской братией посредством «штата» вкладчиков и наемных работников, среди которых имелись опытные промысловики. Часть зимовий сдавалось в «кортумы» (аренду)²¹.

Рис. 2. Фрагмент чертежа Мангазейского уезда (устье Енисея, русла Пясины, Хеты, Хатанги и Анабара) из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. 1701 г.

²¹ Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. Красноярск, 1929. С. 20, 26.

Ко второй половине XVII столетия русские люди обследовали доступные водные и сухие пути Таймыра. Как нами уже было отмечено, в научной литературе поднимался вопрос о том, сумели ли обогнуть русские мореплаватели Таймыр. Голландский политический деятель и коммерсант Николаас Витсен (1641–1717) в своем обширном труде «Северная и восточная Тартария» (вышла в свет в 1692 г. и переиздана в 1705 г.) сообщает некоторые подробности одной неудачной попытки пройти этим путем.

Витсен писал, что «Иван Толстоухов, или по прозвищу Толстоухий, сын знатного русского дворянина, в 1686 г., по приказу, поплыл по Енисею на трех кочах (или судах) к северу, для исследования берегов. Однако он так и не вернулся, по-видимому, погиб с командой». Также он добавил, что «господин Головин, когда он в Тоболе занимал должность наместника, послал, как говорят, 60 человек с реки Енисей в море, чтобы попытаться оттуда морским путем добраться до Лены и так обогнуть Ледяной мыс, но никто из них не вернулся»²². («Господин Головин» – это боярин Алексей Петрович Головин, тобольский воевода в период с 24 марта 1686 по 8 февраля 1690 г.²³)

Плавание Ивана Толстоухова является малоизвестным эпизодом истории освоения Арктики, и поэтому ему следует уделить особое внимание.

Выдающийся полярный исследователь А.Ф. Миддендорф в судовом журнале бота Второй Камчатской экспедиции «Обь-почталъон» нашел сведения о памятном кресте, поставленном Толстоуховым на правом берегу Енисея. Вслед за А.Ф. Миддендорфом об этом кресте писали в своих работах советские исследователи А.П. Окладников и М.И. Белов.

²² Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 1068, 1072, 1081.

²³ Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского Государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 242.

Причем М.И. Белов, повествуя о походе Толстоухова, интерпретировал находки на острове Фаддея и в заливе Симса как остатки той «экспедиции», полагая, что Толстоухову удалось обогнуть Таймыр²⁴.

Со времени выхода первой части труда А.Ф. Миддендорфа «Путешествие на Север и Восток Сибири» (1860) новых фактов о плавании Толстоухова выявлено не было, что потребовало для дальнейшего изучения этого сюжета привлечения не исследованных ранее исторических источников. Во-первых, это журналы обследования западной части Таймыра в ходе Второй Камчатской экспедиции (1738–1740) и уникальный картографический материал, составленный штурманом Федором Алексеевичем Мининым, хранящиеся в РГАВМФ (Санкт-Петербург). Во-вторых, это подробная Ведомость Мангазейского уезда 1739 г. (далее – «Ведомость...»), представляющая собой ответы местной воеводской канцелярии на вопросы академической анкеты (хранится в фонде «Портфели Г.Ф. Миллера» РГАДА, Москва). При составлении «Ведомости...» чиновники активно пользовались показаниями местных жителей, которые многое рассказали о географии региона.

Чтобы попытаться реконструировать родственные связи Ивана Толстоухова, следовало обратиться главным образом к материалам фонда Сибирского приказа РГАДА.

В настоящее время у нас достаточно данных, чтобы установить маршрут несостоявшегося землепроходца. Первым известным нам пунктом, куда прибыли полярные мореплаватели, был район зимовья Крестовского (Крестового), стоявшего на восточном берегу Енисейского залива около острова Крестовского и одноименного пролива. 6 августа 1738 г. мест-

²⁴ Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. Отд. 1. С. 63, 64; Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. С. 89; Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1955. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. С. 130–132.

ность около зимовья была обследована членом команды бота «Обь-почталъон» гардемаринном Василием Пареным (Паренаго). Возле постройки располагался крест (видимо, от него и «произошла» местная топонимика), про который сообщили проводники из числа «мангазейских жителей», что на нем «подписано имя, хто в прежния годы ходил на кочах до реки Пясиной, которой безвесно во оном пути погиб». Вернувшийся с берега на корабль Пареной «репортовал, что де подписано на кресте: 7195 год, ставил оной крест мангазейской посацкой человек Иван Талстоухов» (7195 г. от «сотворения мира» соответствует периоду с 1 сентября 1686 по 1 сентября 1687 г.)²⁵.

Второй крест Толстоухов поставил на острове около зимовья Киташевского (Киташева), которое показано на карте Ф.А. Мининым по правому берегу Енисейского залива, несколько южнее мыса Ефремов камень²⁶.

Третий крест был установлен мореходами между зимовьями Корговским (Ершова) и Юбалдиным. На нем было «подписано тако: Толстоухов пошел на коче под запад в море». Информатор составителей «Ведомости...» подчеркивал, что после установки этого креста «присного Толстоухова слыху никакого не бывало»²⁷. Корговское зимовье было помещено Ф.А. Мининым на таймырском побережье Карского моря примерно на 73° 20' северной широты (отметим, что между приводимыми здесь данными XVIII в. и современной «сеткой» координат могут быть существенные различия из-за особенностей инструментальной съемки в прошлом). Юбалдино не было картографировано штурманом, однако известно, что оно располагалось примерно в 12 верстах к востоку от Корговского.

Последний крест не был самой восточной точкой продвижения мореходов под началом Толстоухова. В «Ведомости...» говорится, что «от Юбалдина зимовья расстоянием верст з десять

²⁵ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 30. Л. 41 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 121; карта: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 11.

²⁷ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122, 122 об.

имеетца Пясинское зимовье на усть Пясины реки на острове», а «вверх по Пясине реке расстоянием верст с пять имеетца старое зимовье, которое изгнило, а оное зимовье поставленья Толстоухова»²⁸. Это зимовье было обнаружено обследовавшим устье Пясины штурманом Д.В. Стерлеговым 20 апреля 1740 г. и впоследствии нанесено на карту Ф.А. Мининим.

Стерлегов показал расположение зимовья Толстоухова на правом берегу устья Пясины, в четырех верстах к востоку от одного из двух принадлежавших промысловикам Федору Попову и Трофиму Юдину зимовий, которое стояло на острове в речном устье (постройка Попова-Юдина находилось на 73° 44' северной широты)²⁹.

Таким образом, Иван Толстоухов со своими товарищами в одну или две навигации (в 1687 г. или в 1686/87 г.) преодолели путь от Новой Мангазеи до Пясины и, возможно, после попытки пройти северо-восточнее устья этой реки и последовавшей зимовки двинулись в обратный путь. Вехи своего пути потомки поморов отмечали памятными крестами.

В «Ведомости...» есть известия о возможном пересечении Толстоуховым Енисейского залива. Согласно документу, в 1730-е гг. наиболее удаленными от Новой Мангазеи зимовьями на левом берегу Енисея были зимовье Выробоно и зимовье Кузьки Шадры (последнее находилось на «морском острове»). Располагались они, по словам мангазейцев, в 40 верстах ниже по Енисею от Ошмаринского зимовья, с которым, возможно, связаны мыс Ошмарино и бухта Ошмаринская Енисейского залива. Далее до Обского устья никаких русских поселений не имелось, а проживала здесь лишь «вольная юрацкая самоядь» (предки ненцев). Мангазейский посадский человек Иван Козьмин сообщил в местной канцелярии, что в 1736 г., когда он

²⁸ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122 об.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 116, 118, 122. Зимовье Толстоуховское от точки наблюдения (как указал Стерлегов, расположенной на 31°29' долготы и 73°44' северной широты) было на румбе ОтN1/40.

находился в зимовье Кузьки Шадры, к нему приехали юраки с вестью, что «подле море есть судно великое на берегу найдено, версток многое число». Тогда Козьмин с двумя товарищами поехал «подле море на собаках для искания того судна». Мангазейцы ехали «дни с три» и прибыли на устье большой безымянной реки. Козьмин поведал мангазейским чиновникам, что «по оной реке по правой стороне яр высокой, а по лево низменное место, а за тою рекою стоит зимовье, которое згнило и упало по край моря, а чьего подлинно то зимовье поставления, того он, Козьмин, не знает, токмо признавает, что то зимовье поставления Толстоухова, понеже оной Толстоухов при мангазейском воеводе Александре Протасьеве ушел по морю на коче для проводывания новых земель, а оной Толстоухов назад на том коче не бывал». После этого Козьмин двигался еще четыре дня вдоль берега, но, не найдя судна, вынужден был вернуться обратно³⁰. Поясним, что стольник Александр Петрович Протасьев был мангазейским воеводой в 1686–1690 гг.³¹

Как видим, маршрут Ивана Толстоухова выстраивается достаточно четко и поэтому версию М.И. Белова о плавании вокруг Таймыра окончательно можно признать несостоятельной (рис. 3).

О социальном статусе полярного мореплавателя известно лишь то, что он был мангазейским посадским человеком (т.е. членом торгово-промысловой условно «городской» общины). Кроме этого, Витсен сообщает странный «факт» о якобы «дворянском» происхождении Толстоухова.

Из-за гибели документов мангазейской съезжей (воеводской) избы поименного списка посадских людей середины 1680-х гг. не имеется. Данные денежных книг уезда, куда заносились сведения об оброке с мангазейцев, включали только количество посадских. Единственный сохранившийся поименный перечень посадских второй половины столетия находится в «крестопри-

³⁰ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 123, 123 об.

³¹ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского Государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 134.

водной книге» 1676 г., когда жители уезда присягали («целовали крест») новому царю Федору Алексеевичу после смерти его отца. В этом списке из 71 человека нет ни одного Толстоухова³².

Наряду с этим фамилия Толстоуховых присутствовала в Мангазейском уезде XVII столетия среди служилых и торговых людей³³. Конкретно в интересующий нас период (1680-е) в Мангазее числились стрельцы Сенька и Федька Толстоуховы³⁴. Также в уезде проживало тесно связанное с Туруханским зимовьем зажиточное семейство Толстоуховых, которому нужно уделить особое внимание.

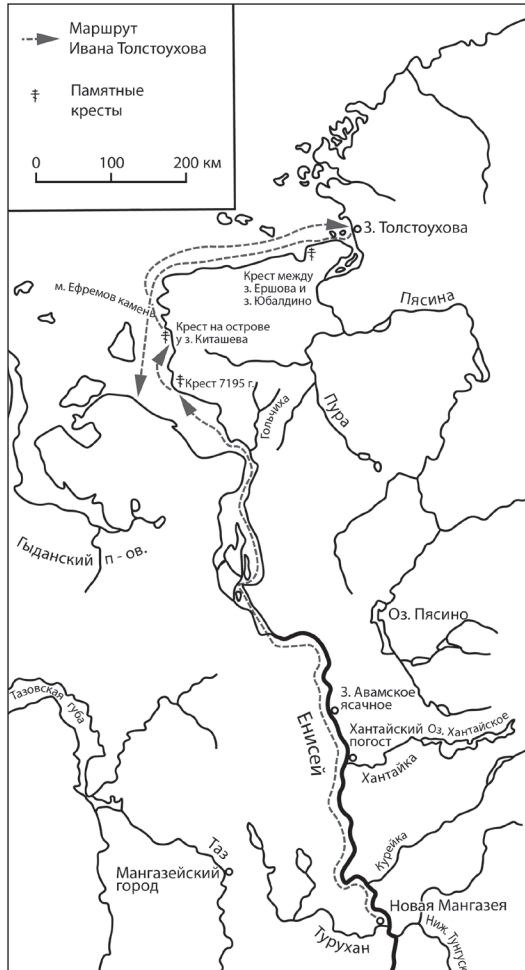

Рис. 3. Маршрут движения Ивана Толстоухова

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 55, 56.

³³ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. Новосибирск, 1992. С. 43; Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в. Энциклопедический словарь. М.; СПб., 2019. С 860.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 756. Л. 244.

Документы сохранили имя старейшего представителя этого рода в уезде, торгового человека устюжанина Леонтия (Левки) Иванова сына Толстоухова, занимавшего «мирскую» должность старосты Никольской церкви Туруханского зимовья³⁵.

Сын Леонтия Георгий с июня 1652 г. в документах значился священником Никольской церкви, а с 1658 г. стал именоваться не только никольским, но и преображенским попом (очевидно, служил он в обоих храмах зимовья, Никольском и Преображенском, возобновленном в 1654/55 г.)³⁶. Георгий Толстоухов служил в Туруханском зимовье (Новой Мангазее) до тех пор, пока его не назначили енисейским протопопом к 1682 г. В Енисейске он встал во главе прихода Богоявленского собора и вместе с архимандритом енисейского Спасского монастыря принял старшинство над духовенством Енисейского и Красноярского уездов. На новом месте он пробыл относительно недолго, пока в апреле 1686 г. не был «взят в Тобольск» по распоряжению митрополита Павла³⁷.

Несмотря на свое священство, Георгий Толстоухов, подобно отцу, проявлял деловую активность, будучи, по местным меркам, состоятельным человеком. К примеру, его покрученики (наемные работники) вели рыбный промысел в низовьях Енисея (так, 6 июля 1665 г. поп снарядил 12 человек)³⁸.

Подобно любому барышнику, поп Георгий участвовал в долговых операциях. Например, в 1665 г. мангазейский служилый человек Василий Трапезин уступил попу право требования со своего должника Федота Кузакова на громадную для своего

³⁵ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). М., 1895. Ч. 1: Документы воеводского управления. С. 197, 202; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 656. Ч. 1. Л. 1–5. Ч. 2. Л. 415–417. Л.И. Толстоухов встречается в таможенной книге Мангазеи. См. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 297. Л. 42, 42 об.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 375. Л. 60–62; Кн. 381. Л. 339; Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 196.

³⁷ Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019. С. 102, 103.

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 493. Л. 113 об., 114.

времени сумму в 900 руб. Среди перечня обязательств Кузакова была обязанность отдать Толстоухову дощаник (крупное речное судно) со всем «дощаничным заводом» (корабельными снастями) и экипажем из 11 наемных людей³⁹.

У попа Георгия было несколько сыновей. В списке денежной книги Енисейска 1684 г. указано, что енисейский воевода боярин К.О. Щербатой пытался поверстать в посадские люди и обложить оброком «енисейского у протоппа Георгия Толстоухова детей ево, Ваську да Ивашка да Ивашка ж в десять рублей, да большого иво ж, Георгиева, сына Обросимка в шестнатцать алтын в четыре деньги» (обложению подлежали все дети енисейских священнослужителей). Как водится, попы подали на имя царей Ивана и Петра челобитную об отмене этого решения. Точно известно, что на время рассмотрения челобитной воевода не велел брать с поповских отпрысков оброка⁴⁰. Судя по дальнейшей жизни детей Георгия Толстоухова, решение К.О. Щербатого было отменено в Москве.

Два сына Георгия Толстоухова, Василий и Иван (не ясно, который из двух Иванов), были торговыми людьми, тесно связанными с Мангазейским уездом. Причем связь с Севером ими не утрачивалась даже после перевода отца в Енисейск.

В нашем распоряжении имеется достаточно сведений, чтобы в общих чертах проследить биографии двух братьев Толстоуховых. Их присутствие на туруханском рынке фиксируется как минимум с начала 1680-х гг. Торговали братья Василий и Иван главным образом пушниной, изделиями из меха (например, песцовыми кафтанами) и изделиями из оленьих шкур, которые возили из Новой Мангазеи в Енисейск и Тобольск⁴¹. Выступали они и поставщиками для мангазейской администрации, приобретавшей у них для своих нужд суда (дощаники и

³⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 1540. Л. 7–12.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 850. Л. 43, 44, 43 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 623. Л. 373 об., 405, 405 об.; Кн. 898. Л. 144 об., 145.

каюки), топоры, скобы «конопатные», прутное железо (для изготовления гвоздей), пряжу, нити и даже «коровье масло»⁴².

После переезда Георгия Толстоухова в Тобольск статус его сыновей, занимавшихся торговлей, существенно меняется. 3 июля 1690 г. в мангазейской таможенной книге была зарегистрирована пошлина, уплаченная тобольским «софийским сыном боярским» (служилым человеком тобольского архиерея) Василием Толстоуховым⁴³.

Впоследствии Василий Георгиев сын Толстоухов занимался административной деятельностью, сыскав на этом поприще дурную славу. В феврале 1696 г. жители Туринского уезда подали челобитную на Василия Толстоухова, который, видимо, исполнял обязанности десятильника, имея резиденцию в Усть-Ницинской слободе. (Десятильник – это должностное лицо архиерейского дома, обладавшее фискальными, административными и судебными полномочиями в рамках компетенции духовных властей.) Толстоухов забирал людей из Туринского уезда к себе в слободу «кто доведетца во всяких духовных делах», затем по наговору специально подученных им людей «смучивал» с арестованных по 15 руб. При этом он бил арестованных и не ставил перед ними «изветчиков с очи на очи» (т.е. не соблюдал положенных процессуальных норм, не проводил очных ставок). Также Толстоухов брал за вечные памяти, которыми удостоверялся брак, слишком большие суммы («рубли по два и по три»)⁴⁴. Видно, что Василий сохранил на новой должности замашки мангазейского барышника.

Иван, как и Василий, также был верстан в софийские дети боярские. 6 апреля 1703 г. он поднялся еще выше по иерархической лестнице, перейдя в разряд государевых служилых,

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 827. Л. 81, 82, 86 об., 87; Кн. 855. Л. 69а об.; Кн. 898. Л. 66 об., 67; Кн. 1030. Л. 14, 17, 17 об., 23 об., 24, 31, 31 об.; Кн. 756. Л. 151 об., 152.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1030. Л. 107 об., 108, 130 об., 131.

⁴⁴ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 364, 365; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Стб. 146. Ч. 1. Л. 273.

поскольку его верстали в иркутские дети боярские с годовым окладом в 7 руб. и два пуда соли (хлебное жалование ему не полагалось, так как служил он «с пашни»). Известно, что Иван Толстоухов умер в 1707 г., после чего его сын, также Иван, был верстан в иркутские дети боярские⁴⁵.

На основании изложенных фактов можно построить гипотезу о связи этого семейства с землепроходцем Иваном Толстоуховым. (Вместе с тем мы отдаем себе отчет в том, что при отсутствии прямых указаний источников мы вынуждены прибегнуть к не самым надежным аргументам косвенного характера.) Торговая семья мангазейских Толстоуховых была достаточно состоятельной, пользовалась авторитетом среди жителей Новой Мангазеи, и ей вполне было под силу снарядить поход к таймырским берегам. О том, что это плавание было скорее частным, чем государственным, предприятием, свидетельствует отсутствие известий о нем среди неплохо сохранившихся грамот воеводского управления и официальной отчетности Мангазейского уезда.

Землепроходцем Иваном Толстоуховым гипотетически мог быть один из братьев Иванов – сыновей попа Георгия (поскольку прослеживается судьба лишь одного из них). Не исключено, что землепроходец мог оказаться сыном Василия Толстоухова и, соответственно, приходился внуком протопопу Георгию (в середине 1680-х гг. протопоп был уже в почтенном возрасте и вполне мог иметь взрослых внуков). С учетом того что во время плавания Ивана Толстоухова Василий Толстоухов занимал должность архиерейского сына боярского, суждение Витсена о землепроходце как о сыне «знатного русского дворянина» находит объяснение. Разумеется, никаких «природных» дворян Толстоуховых не существовало, однако не разбиравшийся в русских служилых «чинах» Витсен, когда узнал о происхождении Ивана Толстоухова, мог приравнять софийского сына боярского к «природным» дворянам.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1189. Л. 2, 2 об.

Еще одним аргументом для предложенной реконструкции родственных связей Ивана Толстоухова является отсутствие его однофамильцев в перечне посадских людей Мангазейского уезда 1676 г. Таким образом, мореплаватель мог быть верстан в посадские из иной социальной группы незадолго до своей гибели.

В сочинении Н. Витсена имеется глухое упоминание о попытке обойти Таймыр со стороны русла Лены в конце XVII столетия. Как писал Витсен, «недавно к морю отправились вниз по реке несколько русских, чтобы оттуда добраться до Новой Земли и открыть острова к западу и северу с намерением зимовать на Печоре или Архангеле. Их застала зима, и они прибыли на Новую землю, где вынуждены перезимовать. Только четверо из них осталось в живых. Они питались медвежьим мясом. Остальные, кто кроме всех перенесенных лишений еще отказались есть эту, для них нечистую, пищу, умерли» (впервые об этом известии в отечественной литературе писал В.Ю. Визе)⁴⁶. В.А. Троицкий, комментируя этот пассаж, указал, что путешественники посчитали Новой Землей восточный берег Таймыра⁴⁷.

Мы склонны соглашаться с выводом В.А. Троицкого о том, что в XVII столетии никто так и не смог обогнуть Таймыр. Аргументируя свою точку зрения, ученый ссылаясь на данные Н. Витсена, российских посланников в Китай Н. Спафария (посольство 1675–1678 гг.) и Э.И. Идеса (посольство 1692–1695 гг.), французского иезуита Ж. Жербильона, получившего свою информацию от русских. Например, Николай Спафарий писал, что «из устья енисейского многожды хотели ехать на кочах к Лене реке, и не могли, от того, что льды великие ходят по морю и разбивают кочи»⁴⁸.

⁴⁶ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т 2. С. 851.

⁴⁷ Троицкий В.А. Новые находки на острове Фаддея // Известия ВГО. 1973. Т. 105, вып. 1. С. 66.

⁴⁸ Троицкий В.А. Новые находки на острове Фаддея // Известия ВГО. 1973. Т. 105, вып. 1. С. 65.

Спустя много лет после несчастного плавания Ивана Толстоухова задачи по обследованию Таймыра выдалось решать морякам русского флота в ходе Великой Северной (или Второй Камчатской) экспедиции (1733–1743). Петровские преобразования принесли в Россию научные методы европейского образца, которые надлежало применить при обследовании арктических рубежей империи.

Морские отряды экспедиции находились под общим началом капитан-командора Витуса Беринга. Обскому отряду во главе с лейтенантом Д.Л. Овцыным предстояло положить на карту устье Оби, Обскую губу, Гыданский полуостров, енисейское устье, а также берег к востоку от него, до предполагаемого места встречи с кораблем Ленского отряда, которым командовал лейтенант В.В. Прончищев⁴⁹.

Лейтенант Д.Л. Овцын прибыл в Тобольск 2 апреля 1733 г. К январю следующего года его судно, двухмачтовая дубель-шлюпка «Тобол», было построено, и в навигацию 1734 г. начались попытки обогнуть Гыданский полуостров.

После первых неудач, в 1736 г. по рапорту Д.Л. Овцына Адмиралтейств-коллегия распорядилась построить в Тобольске для экспедиции более маневренное и быстроходное судно, бот «Обь-почтальон» (закончен летом 1737 г.). Сначала этим судном командовал руководивший его постройкой «мастер флота» И.Н. Кошелев, которого позднее сменил Д.Л. Овцын. На боте находился штурман Ф.А. Минин (ранее служил в Кронштадте)⁵⁰.

Обойти Гыданский полуостров суда Обского отряда смогли только с четвертой попытки. 31 августа 1737 г. мореплаватели достигли, наконец, устья Енисея. 2 октября бот Д.Л. Овцына был застигнут морозом неподалеку от Туруханска (Новой

⁴⁹ Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1955. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. С. 268.

⁵⁰ Там же. С. 293.

Мангазеи) в устье р. Ангутихи. Дубель-шлюпка «Тобол» остановилась несколько севернее, у устья р. Денежкиной. 21 июля 1738 г. Д.Л. Овцын прибыл в Енисейск, после чего вместе с И.Н. Кошелевым уехал в Петербург, чтобы отчитаться о своем плавании. Руководителю отряда не суждено было вернуться к берегам Енисея, поскольку он был арестован в Тобольске и потом разжалован в матросы из-за контактов со ссыльными князьями Долгоруковыми (отбывали наказание в Березове). Поэтому западную часть Таймыра со времени навигации 1738 г. предстояло обследовать штурману Ф.А. Минину, принявшему командование ботом «Обь-почтальон»⁵¹.

Мангазейская администрация обязана была всячески содействовать экспедиции. Во время плавания по Енисею судно сопровождал «камвой» (конвой), представлявший собой дощаник, на котором находилась группа мангазейских казаков во главе со своим сослуживцем Филиппом Харитоновым. Самоедский князец Сары Совалов должен был обеспечивать экспедицию гужевым транспортом – оленями (на случай необходимости транспортировать что-либо посуху). У устьев рек Глубокой и Гольчихи (правые притоки Енисея) были поставлены «магазинны»/магазины (склады) для снабжения экипажа Ф.А. Минина разными запасами⁵². По мере продвижения бота его командир брал на борт обитателей прибрежных зимовий, чтобы те служили проводниками («вожами», «лоцманами»).

4 июля 1738 г. бот «Обь-почтальон» вышел из Туруханска и 3 августа достиг устья Енисея. Следуя далее, корабль обогнул м. Северо-Восточный (несколько севернее Диксона). Затем, дойдя до широты 73° 07', экипаж Ф.А. Минина наткнулся на сплошные льды и поэтому 30 августа вынужден был повернуть обратно. Не дойдя до Туруханска, моряки остановились возле

⁵¹ Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 78, 79.

⁵² РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 30. Л. 16 об., 18, 35.

зимовья Исакова (Терехина), принадлежавшего промышленнику Петру Исакову⁵³. Судно было разгружено, «растакелажено» и подготовлено к зимовке при помощи русских промысловиков из соседних зимовий, а также самоедов князца Сары Совалова. Известно, что зимовье Исакова состояло из небольшой избы, амбаров и бани. Для размещения экипажа корабля изба была расширена, а из амбара сделали еще одну жилую избу (для этого пришлось свозить со всей округи плавник). Для утепления на крышу зимовья насыпали землю, кругом построек сделали завалянки, а щели между бревнами проконопатили мхом⁵⁴.

Плавание летом 1739 г. было еще менее удачным, когда Ф.А. Минину пришлось сначала идти в Туруханск за продовольствием, а потом двигаться на Север. Достигнув южной части Енисейского залива, он вынужден был повернуть назад.

В начале 1740 г. Ф.А. Минин организовал сухопутное обследование западного берега Таймыра, чтобы помочь двигавшемуся с востока отряду лейтенанта Х.П. Лаптева. В этот раз первопроходцам надлежало дойти до реки «Таймуры» (Нижней Таймыры). Для этого 30 января 1740 г. из Туруханска на собачьих упряжках двинулся штурман Д.В. Стерлегов. 27 марта 1740 г. он достиг устья Пясины, а 14 апреля продвинулся до широты в 75° 26', где поставил маяк. Как писал Д.В. Стерлегов в своем журнале, «в здешних северных местах магнитная игла служить не стала, у проводников Сергея Соболева, Трофима Юдина да служиваго Терентья Дорофеева глаза от ветра испортились, которые видеть ничего не могут, да у меня ветром в глазах набило пупыри, так что иногда насилу можно впереди берег усматривать»⁵⁵. Эти обстоятельства стали причиной возвращения Д.В. Стерлегова в Туруханск (рис. 4).

⁵³ Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 81; РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 30. Л. 78.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 30. Л. 83 об. – 86.

⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 117 об.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

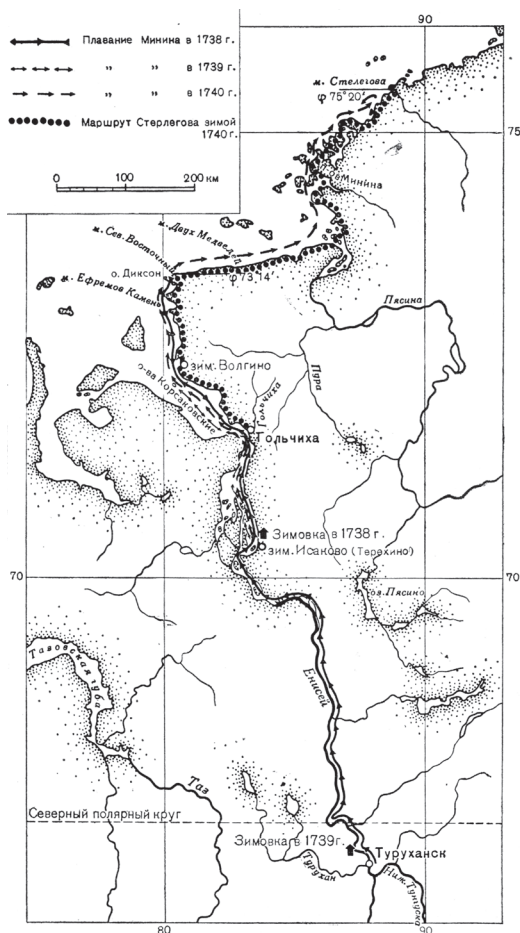

Рис. 4. Плавание Ф.А. Минина на восток от устья р. Енисея и маршрут Д.В. Стерлегова по берегу Таймырского полуострова. 1738–1740 гг. (Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 82.)

Плавание Ф.А. Минина летом 1740 г. оказалось наиболее удачным, поскольку он достиг широты в 75° 15'. Несмотря на недовольство работой Ф.А. Минина со стороны Адмиралтейств-коллегии, следует отметить, что ему удалось собрать массу ценных данных о Заполярье и составить по итогам плавания уникальную карту (о которой здесь уже упоминалось). Его журналы являются важным источником по истории Мангазейского уезда середины XVIII столетия. После возвращения в Туруханск Ф.А. Минину было велено отвести бот в Енисейск, сдать его местной администрации и возвращаться в Петербург. Известно, что в 1742 г. штурман предпринял свое последнее плавание вниз по Енисею, однако оно было прекращено у м. Толстый нос распоря-

жением Х.П. Лаптева. После возвращения в столицу Ф.А. Минин был по жалобам команды предан суду и разжалован на два года в матросы⁵⁶.

Ленский отряд достиг гораздо больших успехов в изучении Таймыра. Летом 1735 г. из дельты Лены в западном направлении отплыла дубель-шлюпка «Якуцк» («Якутск») под началом лейтенанта В.В. Прончищева. После зимовки в устье р. Оленек, 1 августа 1736 г. мореплаватели продолжили свой путь и, миная Хатангский залив (губу), к 18 августа 1736 г., двигаясь вдоль восточной части Таймыра, добрались до 77-й параллели. Таким образом, команде В.В. Прончищева удалось морским путем пройти севернее всех остальных участников Второй Камчатской экспедиции. В XVIII столетии пролив Вилькицкого был закрыт непроходимым для деревянных судов ледяным «щитом», и поэтому экипажу «Якуцка» пришлось следовать в обратный путь. 29 августа 1736 г. корабль вернулся к устью Оленека. Здесь окончил свою жизнь лейтенант В.В. Прончищев (вскоре ушла из жизни и находившаяся при муже супруга мореплавателя). Командование кораблем перешло к штурману С.И. Челюскину, который поставил судно на зимовку и выехал санным путем в Якутск⁵⁷.

После трагических событий на Оленеке командиром «Якуцка» назначили лейтенанта Харитона Прокофьевича Лаптева, который прибыл в город Якутск (куда до этого перегнали одноименную шлюпку) в мае 1739 г. (26 мая лейтенант ступил на борт корабля).

21 июля 1739 г. корабль снова вышел из дельты Лены, 6 августа вошел в Хатангскую губу, где остановился неподалеку от небольшого «отъезжего» зимовья⁵⁸. 14 августа Х.П. Лаптев возобновил плавание и 20 августа его судно достигло залива Фад-

⁵⁶ Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 83.

⁵⁷ Там же. С. 83–85.

⁵⁸ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 31, 34.

дея (имя заливу дал сам лейтенант, поскольку 21 августа приходилось на день святого Фаддея). К северу от залива простирался непроходимый лед, и поэтому 22 августа «Якуцк» двинулся на юго-восток. В конце августа 1739 г. дубель-шлюпка прибыла к р. Блудной, правому притоку Хатанги, где было решено зазимовать. У ручья чуть ниже Блудной поставили «поселок» для зимовки на 47 человек экипажа, состоявший из пяти жилых домов, амбара для «провианта», пушечного амбара и нескольких сараев (остатки «поселка» обнаружил В.А. Троицкий в 1976 г.)⁵⁹.

Во время зимовки Х.П. Лаптев организовал сухопутное обследование Таймыра. В конце октября 1739 г. на Пясино был отправлен боцманмат В. Медведев и солдат Хорошев, которые достигли низовий этой реки и вернулись обратно. В апреле 1740 г. на север, к устью Нижней Таймыры поехал геодезист Н. Чекин, который добрался до ее устья и смог обследовать морской берег к западу от него. Поход пришлось завершить геодезисту пешком, поскольку от бескормицы умерли все ездовые собаки⁶⁰.

Плавание 1740 г. окончилось трагически для «Якуцка». 12 августа судно вышло в море, но уже на следующий день было затерто льдом (на широте 75° 26'). Команде до 31 августа (пока «Якуцк» не был унесен льдами) пришлось выгружать запасы и потом возить их за 15 миль на берег. Люди Х.П. Лаптева поставили юрты, где жили до 21 сентября, когда начался ледостав, и поэтому только к 15 октября им удалось вернуться в свой «поселок» на р. Блудной⁶¹.

В ноябре 1740 г. Х.П. Лаптев вместе с соратниками решил продолжить обследование арктических пространств сухими путями. Большую часть команды лейтенант отправил в Ту-

⁵⁹ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 34–47.

⁶⁰ Там же. С. 20–81.

⁶¹ Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 88–92.

руханск, оставив при себе штурмана С.И. Челюскина, геодезиста Н. Чекина, четырех солдат, квартирмейстера и плотника. Оставшихся людей он разделил на три группы, которые подчинил штурману, геодезисту и непосредственно себе. В конце марта 1741 г. Н. Чекин двинулся в сторону залива Фаддея. Поначалу, следуя вдоль устья Хатанги, С.И. Челюскин поехал до Пясины, от устья которой должен был повернуть на восток, а сам Х.П. Лаптев отправился к устью р. Нижней Таймыры. 6 мая Х.П. Лаптев достиг устья этой реки, откуда 10 мая пошел к востоку, навстречу Н. Чекину. Правда, 15 мая из-за начавшейся пурги он решил двигаться в противоположном направлении, минуя устье Нижней Таймыры, идти навстречу С.И. Челюскину. 1 июня на широте $75^{\circ} 21'$ лейтенант встретился со штурманом, прошедшим русло Пясины и направлявшимся от ее устья на восток. 28 июля оба вышли к Енисею, где встретили геодезиста Н. Чекина, которому удалось обследовать восточную часть Таймыра до широты $76^{\circ} 35'$ ⁶². В сентябре 1741 г. все группы Х.П. Лаптева собрались в Туруханске, после чего, согласно инструкции Адмиралтейств-коллегии, им осталось исследовать участок между мысом Фаддея и устьем реки Нижней Таймыры, что было решено совершить в 1742 г.⁶³ (рис. 5).

5 декабря 1741 г. в долгий путь к устью р. Хатанги отправился С.И. Челюскин с четырьмя солдатами, а сам Х.П. Лаптев выдвинулся в феврале через р. Дудинку к Верхней Таймыре и затем навстречу С.И. Челюскину. 3 апреля 1742 г. С.И. Челюскин из района устья Хатанги выдвинулся в северном направлении и 8 мая достиг самой северной оконечности Таймыра, мыса, носящего в наше время его имя. 4 мая 1742 г. находившийся в районе озера Таймыр Х.П. Лаптев выслал навстречу С.И. Челюскину солдат К. Хорошева и А. Лихачева, а сам по последне-

⁶² Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 90, 91.

⁶³ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 79.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

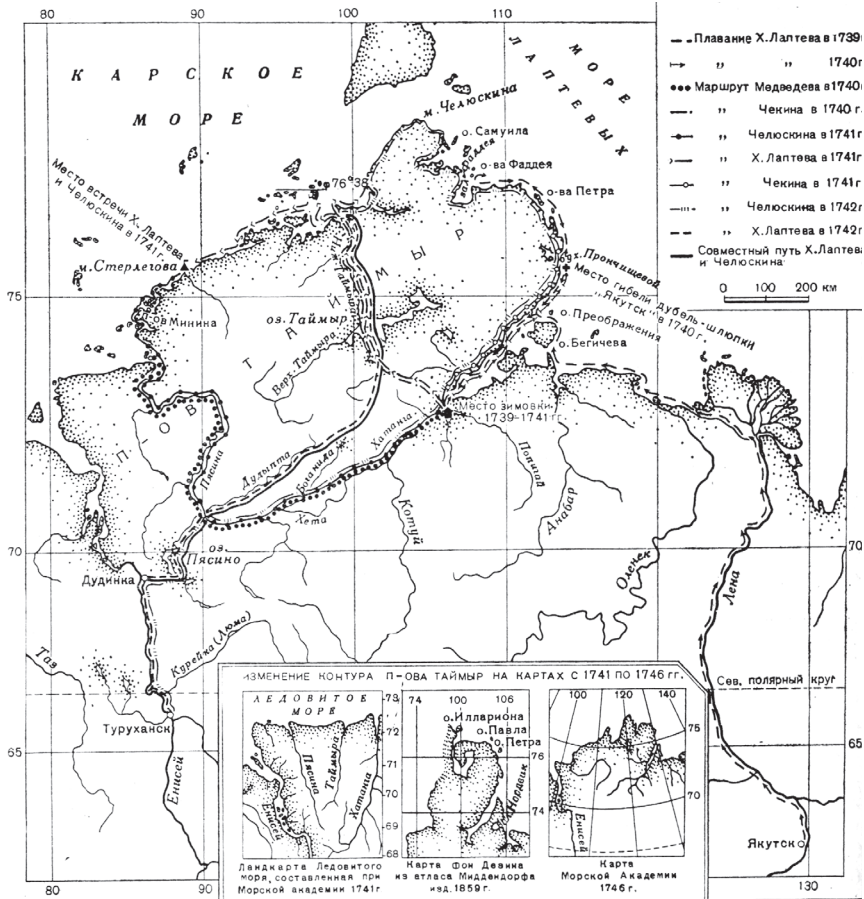

Рис. 5. Плавание Х.П. Лаптева к западу от устья Лены и маршруты его отряда по Таймырскому полуострову в 1739–1742 гг. (Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 172–1765 гг. М., 1960. С. 92.)

му санному пути вернулся к руслу Енисея (27 июня он добрался до зимовья Бобылево в устье р. Дудины), откуда на дощанике отплыл в Туруханск (прибыл туда 16 июля). 15 мая Челюскин завершил съемку на устье р. Нижней Таймыры, после чего

двинулся на юго-запад. Затем он прибыл в зимовье Сухова на Дудыпте, откуда потом добрался до упомянутого зимовья Бобылева. 20 июля 1742 г. С.И. Челюскин вернулся в Мангазею, после чего вместе с Х.П. Лаптевым направились в Енисейск. В следующем году они приехали в Петербург⁶⁴.

В результате масштабных работ двух отрядов Второй Камчатской экспедиции была обследована территория Таймыра, собрана масса сведений о географии района, которые фиксировались в различных журналах, составлены уникальные карты русла Енисея и полуострова Таймыр с прилегающими территориями на математической основе.

Любопытно, что пределы плавания судов В.В. Прончищева и Ф.А. Минина примерно совпадают с крайними точками, куда добирались русские мореплаватели и до них (Иван Толстоухов и безвестные мореходы, погибшие в заливе Симса). Не исключено, что климатические условия XVII–XVIII вв. (т.н. малый ледниковый период) не позволяли обогнуть Таймыр и эта задача была решена только при их кардинальном изменении, в конце XIX в. (в 1878 г. судном А.Э. Норденшельда «Вега»).

Во времена проведения Второй Камчатской экспедиции Таймыр и близлежащие пространства уже давно являлись зоной активного «народного» освоения и были покрыты «сетью» постоянных и временных жилищ, представленных главным образом зимовьями.

Ведомость Мангазейского уезда 1739 г. показывает размещение зимовий в западной, южной и юго-восточной частях Таймыра. Севернее р. Гольчихи и до устья Пясины (т.е. вдоль Енисейской губы и далее на северо-западном побережье Таймыра) находилось 33 зимовья⁶⁵. На Пясине (без учета устья) и ее притоке Дудыпте располагалось 26 зимовий, в т.ч. 11 «пустьх» и одно «старое» ясачное Авамское зимовье (на р. Ду-

⁶⁴ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 82–85.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 119 об. – 122 об.

Рис. 6. Фрагмент карты Мангазейского уезда из атласа Российской империи 1745 г.

дыпте у р. Авам)⁶⁶. По рекам Баганиде, Хете, Хатанге, Попигаю (т.е. в бассейне Хатанги) находилось 64 зимовья и летовья, в т.ч. 25 зимовий и 3 летовья, принадлежавших якутам, а также 5 пустых зимовий. На Хатанге находился Хатанский погост, где были одна церковь, один поповский двор и три якутских зимовья⁶⁷. 13 хатангских зимовий принадлежали жителю Енисей-

⁶⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 124–125 об.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 124–129 об.

ска Василию Созоновскому. К сожалению, о нем сохранилось мало сведений. Известно, что 24 августа 1739 г. этот человек повстречался команде «Якуцка» и предоставил русским морякам большую лодку для плавания по местным рекам. Он же рассказывал людям Лаптева о путях на Таймыре⁶⁸.

Как представляется, Созоновский наравне с Троицким монастырем были крупнейшими владельцами таймырских промыслов. Заметим, что обитель сохраняла свои промыслы на Таймыре вплоть до секуляризации (конфискации церковных имуществ в пользу государства) в 1765 г.

В.А. Троицкий собрал данные о русских поселениях Севера полуострова Таймыр, тем самым установив пределы «народного» освоения полуострова в XVIII столетии. К северу от пясинского устья располагалось два зимовья, Верхне- и Нижнепясинское. Согласно журналу Х.П. Лаптева и С.И. Челюскина, на южном мысе залива Миддендорфа (м. Лемана) они «сыскали старые огнища». В.А. Троицкий предположил, что это следы пребывания здесь русских мореплавателей XVII столетия. На восточном берегу Таймыра самым северным во времена С.И. Челюскина было зимовье хатангского жителя Скородина (м. Восьмого марта, на широте 76° 15'). Однако самое интересное, что за 7 лет до прибытия Х.П. Лаптева на Таймырскую губу «новокрещеный якут» Никифор Фомин поставил здесь свое зимовье⁶⁹.

Проникновение на Север Таймыра носило сугубо спорадический характер. Подавляющее большинство промысловиков и не помышляло о походах в такую даль. Например, Федор Попов и Трофим Юдин, жители пясинского устья, в марте 1740 г. говорили Д.В. Стерлегову, что «до речки Таймуры далеко или близко, они не знают и не слыхали, тако ж

⁶⁸ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 43, 44.

⁶⁹ Троицкий В.А. Русские поселения на Севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 120–126.

лесов, и качующих народов никаих не видели и ни от кого не слышали ж»⁷⁰.

«Ведомость...» 1739 г. отразила изменения этнической и социальной обстановки в интересующем нас районе. В его восточную часть переселялись якуты, которые ставили здесь свои зимовья и вели промыслы. Они должны были уплачивать ясак, а также подвергались христианизации наряду с другими аборигенами Сибири (в отличие от XVII столетия, в XVIII в. правительство взяло курс на обращение местных народностей в православие).

Как сказано в «доношении» 1741 г. мангазейского «управителя» Семена Соснина воеводе Енисейской провинции майору Валмасову, «имеютца в Мангазейском уезде в Затундре на Хете и на Хатанге реках ясашные иноземцы новокрещенные якуты не из давних лет, которые якуты в оклад против прочих ясашных иноземцов не положены по чему им платить в казну... ясак, а платят они... ясак в казну... в свою волю, хто что принес, и то по малому числу» (в этом «доношении» Соснин просил воеводу «положить» якутов в «оклад против прочих окладных ясашных иноземцов»)⁷¹. Следовательно, процесс активного переселения якутов в район Хатанги начался незадолго до 1740-х гг.

Появление нового этнического элемента и профессиональная политика государства создавали предпосылки для формирования в будущем тюркоязычного этноса долган на базе групп якутов, эвенков, энцев и русских «затундреных крестьян» (жителей Хатангского тракта).

Во конце XVIII – начале XIX в. количество населенных пунктов в интересующем нас районе уменьшается. Возможно, это связано с тем, что пик промысла драгоценного таймырского песка приходится на начало – середину XVIII столетия. По под-

⁷⁰ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 116.

⁷¹ РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 98. Л. 1, 1 об.

счета Г.Ф. Быкони, если в 1783 г. от Туруханска вниз по Енисею, по Енисейской губе, Пясине, Дудыпте – Аваму, Боганиде, Хете, Хатанге, Анабаре и по побережью океана располагалось 144 населенных пункта, то в 1807 г. в этом же районе – 105⁷².

Как уже было показано, поселения интересующего нас района были представлены в основном зимовьями, которые делились на «коренные» (предназначены для постоянного проживания) и «отъезжие» (промысловые временки). Письменные известия об облике зимовий довольно скудны. Приведем ниже некоторые из них.

Г.Ф. Быконя приводит слова мангазейского капитан-исправника Богдановича, согласно которому, «каждое зимовье имеет покрытый двор, который служит за сени. В оном же службы, анбар, баня, собачьи гнезда, тут же дрова и снег для воды»⁷³. Исследованное Н.К. Ауэрбахом зимовье XVIII в. Малое (к югу от поселка Диксон) представляло собой «одну жилую комнату, где сосредотачивалась вся жизнь промышленников, и большое число (6–8) нежилых помещений, всевозможных клетушек и кладовых, конур для собак, бани и большого двора – все соединенные между собою и находящиеся под одной крышей»⁷⁴. По «поступной» от 18 марта 1724 г. промышленный человек Тобольского города Никита Афанасьев сын Колмогоров за «свой долг за рубль» передал Троицкому монастырю зимовье, располагавшееся «выше реки Гольчихи, а ниже Прилучново Троецково зимовья». Зимовье переходило обители «со всяким промышленным заводом: с пасником, и с кулемником, с одной ямой, и с онбаром составным, лодка набойница с неводом с поплавнями, с пушальницами, котел железной, да сковородами, и с собака-

⁷² Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 195.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей. Красноярск, 1929. С. 21.

ми»⁷⁵. Не исключено, что этой «поступной» была оформлена скрытая сделка купли-продажи и фактическая стоимость зимовья была существенно выше. Судя по краткому описанию, монастырю переходили ловушки на зверей (пасти и кулемы), а также рыболовные снасти. Любопытно, что при зимовье была яма, которую, возможно, использовали в качестве «холодильника». В 1720 г. мангазейский казак Федор Данилов передал монахам свое зимовье на устье р. Дудины, при котором наличествовал «олений огород» (загон)⁷⁶.

Как видно, «коренные» зимовья представляли собой жилую избу, окруженную разными хозяйственными постройками.

Несмотря на то что в XVIII столетии уже сложилось постоянное население Мангазейского уезда, роль «пришлого» элемента еще была высокой. Люди приходили сюда как из Европейской России, так и из разных районов Сибири (например, из Енисейского уезда). Г.Ф. Быконя отмечал, что енисейские купцы подчинили себе местную экономическую жизнь, мангазейцы часто попадали к ним в долговую кабалу⁷⁷.

Х.П. Лаптев оставил яркую и нелестную характеристику местного населения: «У всех промышленников по реке Енисею русских не весьма довольно богатства их, в чем бы ни было. Понеже коренных, или назвать давне живущих на сих местах очень мало. Но многие набродные из русских городов, с пашпортами просроченными и беспашпортные, которые уже и в переписе города Мангазейска состоят. Обычаи имеют: великие охотники в карты играть, покупая дорогою ценою, також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государево из города Мангазейска. И тем у них у нарочитых токмо с год на год довольство достает. И на ту ж рыбу выменного

⁷⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 4606. Л. 1.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 4604. Л. 1.

⁷⁷ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 193.

хлеба, и зверя, что не промыслят, отдав государево, проигрывают и пропивают тому, у кого бывает вино»⁷⁸.

Подытоживая главу, следует сказать, что в XVII–XVIII вв. пространства Таймыра стали зоной промыслового освоения русскими людьми, которые приходили сюда главным образом за пушшиной. Уроженцы Севера Европейской России сумели проникнуть во многие дальние места полуострова и построить сеть зимовий на его территории. Постепенно формировалось постоянное русское население края. «Народное» освоение Таймыра было ведущим, а присутствие государственной власти ограничивалось небольшим количеством ясачных и таможенных сборщиков. В 1736–1742 гг. на территории Таймыра и в близлежащих водах проходили работы Второй Камчатской экспедиции. Благодаря подвигу отряда под руководством В.В. Прончищева и Х.П. Лаптева удалось обследовать почти весь полуостров и впервые составить его карту на математической основе. Как видим, уже в те далекие времена поиск ценных ресурсов и научное изучение стали приоритетными в развитии Таймыра.

⁷⁸ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 127, 128. (Эту цитату приводит и Н.К. Ауэрбах.)

Глава 2.

Исторические промысловые постройки на Таймырском побережье Карского моря (по данным археологического изучения в 2016–2021 гг.)

Начиная с 2016 г. и до настоящего времени на Таймыре проводятся экспедиции красноярских археологов, целью которых является сбор сведений о заселении его человеком в различные исторические периоды. Географически работы отряда были сосредоточены в западной части полуострова, в низовьях р. Енисей, Енисейском и Пясинском заливах (рис. 7).

Одним из направлений работ экспедиций 2016–2022 гг. являлась локализация и поиск остатков исторических поселений и памятных

Рис. 7. Карта Арктики с указанием археологических работ

мест, оставленных мангазейскими промышленниками в XVII–XVIII вв. Особое внимание уделялось северному участку зоны русского освоения Таймыра, который находился на морском побережье между мысом Северо-Восточный и восточным берегом Пясинского залива. Географическая обособленность и удаленность этой территории от крупных сырьевых месторождений и административных центров сохранили ее в первоначальном виде, а полярные условия обеспечили консервацию оставленных людьми зимовий на длительное время. Это создало условия для формирования здесь историко-культурных комплексов, имеющих большой потенциал для изучения материальной культуры русского населения XVII–XVIII столетий.

Опорными документами для идентификации поселений на побережье Карского моря являются Ведомость Мангазейского уезда 1739 г., путевые дневники Д.В. Стерлегова и бортовые журналы бота «Обь-почталъон» 1740 г.

Полевые работы на берегу Петра Чичагова и в Пясинском заливе осуществлялись в течение 5 лет. В 2017 г. была проведена предварительная рекогносцировка, зафиксировавшая первые памятники в бухте Макарова и в устье р. Убойной. В 2018 г. проведены раскопки в бухте Западное Голомо, в 2019 г. в бухте Макарова. В тот же год были осмотрены острова в устье р. Пясины и в Енисейском заливе. В 2021 г. пешими маршрутами осмотрен восточный берег Пясинского залива и устье р. Староморжово. В 2022 г. проведены дополнительные разведочные работы и фиксация памятников в бухте Западное Голомо.

Было осмотрено 16 пунктов на побережье, где имелись сведения о местонахождении исторических построек. Практически на всех пунктах были встречены постройки различного времени и состояния. В 6 пунктах обнаружены культурные слои и археологизированные постройки XVIII столетия (рис. 8).

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

Рис. 8. Карта-схема археологических памятников, обследованных в 2016–2022 гг.: 1 – объекты с читаемой планировкой; 2 – объекты с культурным слоем XVIII–XIX вв.; 3 – предполагаемое местонахождение исторических построек XVII–XVIII вв.; 4 – зимовье Малое

Впервые промысловые постройки на берегу «морья-аки-яна» отмечены С.У. Ремезовым и его сыновьями в «Чертежной книге Сибири» (1701), «Хорографической книге Сибири» (1697–1711), «Служебной чертежной книге» (1702–1730). Постройки на берегу от устья р. Гольчихи далее на север обозначены как «зимовья промышленные, промышляют песцов и медведей белых» (рис. 1, 2).

На карте, составленной геодезистом Петром Чичаговым в 1726–1730 гг., на побережье отмечено 9 зимовий, тянувшихся до устья р. Пясины. Одно зимовье впервые показано на ее правом берегу⁷⁹.

Опорные данные о расположении зимовий на западе Таймырского побережья собраны в ходе работ Второй Камчатской экспедиции и нанесены на карту штурманом Ф.А. Мининим в 1740 г. Здесь обозначено 10 зимовий на Таймырском берегу Енисейского залива и 12 на участке между мысом Северо-Восточный и полуостровом Рыбный. Несмотря на отсутствие под-

⁷⁹ Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Известия ВГО. 1974. № 2. С. 136.

писей к гидронимам, они восстанавливаются по историческим документам и определяются исходя из общей географической ситуации. Для всех зимовий приведены собственные наименования. На участке между мысом Северо-Восточный и р. Убойной указаны зимовья Нижнеподволошное (Нижнеподволошно), Убойно и Речишно; между р. Убойной и мысом Моржево расположены зимовья Заледеево, Кускино, Моржево. В бухте Макарова стояли зимовья Здоровско и Корговско. Последним зимовьем на этом участке берега указано зимовье Пясинское (Пясинско). На восточном берегу Пясинского залива отмечены зимовья Толстоуховско, Верхне- и Нижнепясинское⁸⁰.

Рис. 9. Фрагмент карты Туруханского уезда Тобольского наместничества 1784 г.

⁸⁰ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 11.

Рис. 10. Фрагмент карты Тобольской губернии 1800 г.

В дальнейшем количество построек вплоть до 1764 г. варьируется от 9 до 10 пунктов и фактически они обозначаются в одних и тех же местах. В Атласе Российской империи 1745 г. появляются новые названия: зимовье Спиридонова, находившееся между современным мысом Зверобой и Пясинской отмелью, и зимовье Попово (рис. 6). В 1760-х гг. на восточном берегу Пясинского залива появляются зимовья Сухановское и Петимское, а съемка зафиксировала 7 зимовий.

На карте Туруханского уезда Тобольского наместничества 1784 г. зимовья на морском берегу не были отмечены (рис. 9).

Самыми северными населенными пунктами показаны зимовья Киташево и Малое Стрелово⁸¹. В 1800 г. на карту Туруханского уезда нанесены 5 построек (рис. 10), а в 1868 и 1895 гг. их уже 8.

На карту, составленную лейтенантом А.В. Колчаком по описям лейтенанта Н.Н. Коломейцева 1901 г. и штурмана Ф.А. Минина, на восточном берегу Пясинского залива были нанесены зимовья Верхнепясинское и Петимское. Постройки отмечены в устье р. Убойной. Все они были заброшены. Впервые отмечается предположительное расположение зимовья, известного по картам Минина, – Моржево. В 1914 г. нанесено было 7 зимовий, а на картах 1925 г. уже только 5.

Несмотря на фиксирующуюся динамику в количестве зимовий на побережье, можно отметить, что в целом их число совпадает между собой, что, вероятно, связано с особенностями логистики в этом районе. Как отмечено в источниках XVIII в., зимовья строились таким образом, чтобы между ними была возможность осуществить дневной переход, двигаясь на нартах, запряженных собаками, в зимнее и весеннее время.

Нерешенным в настоящий момент является вопрос о смене наименований, вероятно, одних и тех же зимовий на таймырском побережье. Даже в 1730–1740-х гг. одни и те же постройки могут называться по-разному. Так, на карте Ф.А. Минина нанесены зимовья Пясинское, Верхне- и Нижнепясинское; в ведомости Мангазейского уезда они фигурируют как зимовья Федора Тобольского. В будущем во избежание путаницы будет использована номенклатура названий, присвоенная постройкам составителем карты 1740 г. Ф.А. Мининым (рис. 11).

Впервые археологическое изучение построек Нового времени на побережье Таймыра было проведено в 1920-х гг. сотрудниками Норильской экспедиции Сибирского геологи-

⁸¹ Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из шестнадцати уездов. СПб., 2008. 27 с.

ческого комитета В.И. Громовым и Н.К. Ауэрбахом⁸². В устье р. Лемберова, расположенном несколько южнее Диксона, по сведению сотрудников местной радиостанции, находилось зимовье, в котором было обнаружено большое количество старинных вещей. В 1920 г. раскопки в зимовье проводил В.И. Громов. Его работы в 1921 г. продолжил Н.К. Ауэрбах, имевший богатый опыт работы с разными памятниками в Енисейской губернии⁸³.

В 1921 г. раскопки проводились в полуразрушенной постройке, сохраняющей свою архитектурную целостность, однако «тронутой» многочисленными «раскопками» диксонских энтузиастов. По описанию, внутри постройки была глина (свалившаяся потолочная засыпка), смешавшаяся с истлевшими бревнами. Эта масса замерзла и плохо поддавалась не только лопате, но и кирке. В 1921 г. были завершены раскопки В.И. Громова в комнате I, также он «очистил комнату II и дошел до пола во всех остальных комнатах, за исключением комнаты IX и части двора (комната X)»⁸⁴ (рис. 12).

Изученное Н.К. Ауэрбахом зимовье в плане представляло собой многочастную постройку из жилого теплого сруба, к которому было прирублено 9 «комнат» служебного характера⁸⁵. Комнаты образовывали каре, окружая с трех сторон крытый двор. С южной стороны двор закрывался бревенчатой стеной, один край которой был забран в заплотный столб, стоящий у горницы. Постройки были сооружены не в один сезон,

⁸² Вдовин А.С., Лысенко Д.Н., Макаров Н.П., Заика А.Л. Прошлое Енисейского Севера понемногу раскрывается: история и перспективы исследований русских поселений // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 114–118.

⁸³ Ауэрбах Н.К. К исторической археологии низовьев Енисея // ЭБ ВСОРГО. 1923. № 4. С. 16; Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5, 6. С. 129.

⁸⁴ Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5, 6. С. 129–131.

⁸⁵ Там же. С. 132.

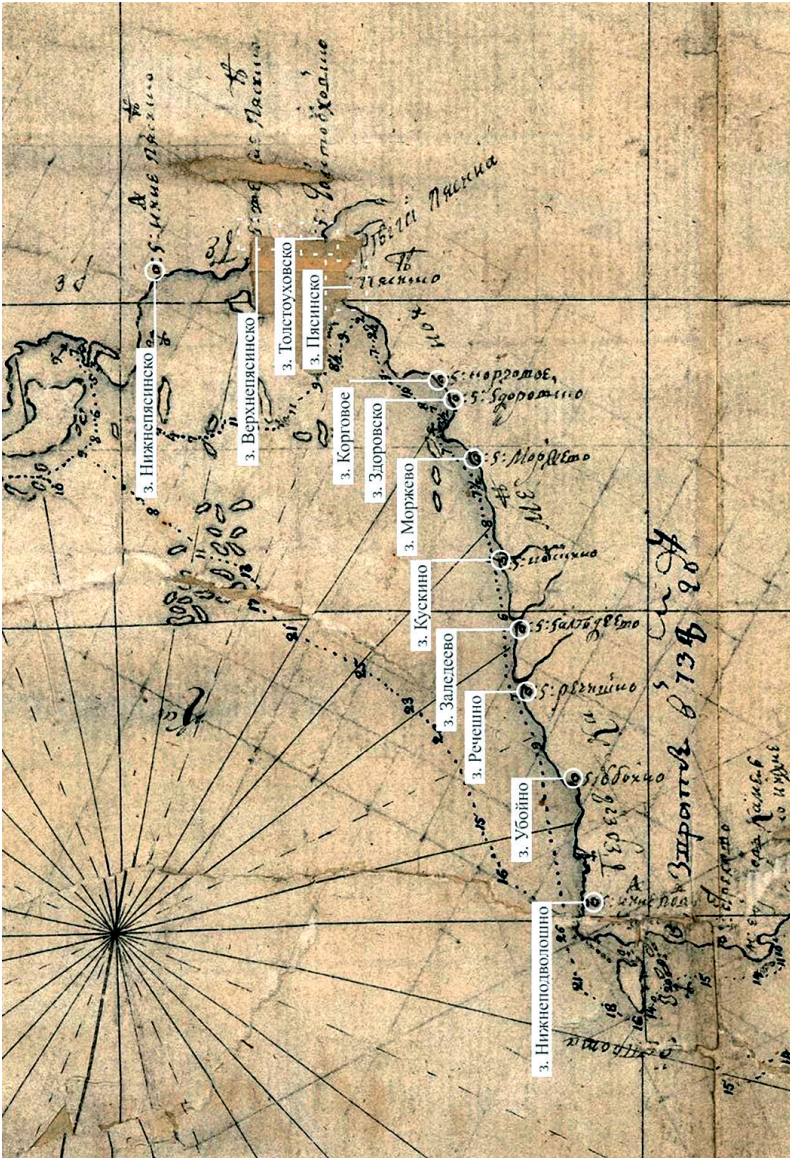

Рис. 11. Промысловые постройки на карте Ф.А. Минина, 1740 г.

План развалин зимовья

в черте Промысловой.

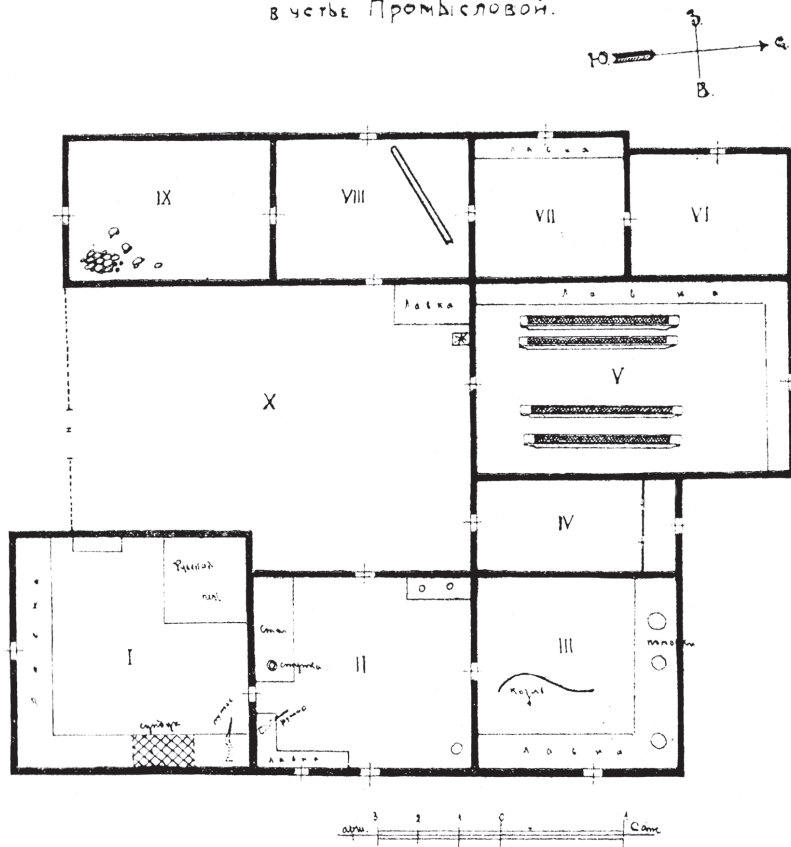

Рис. 12. План зимовья, исследованного Н.К. Ауэрбахом (римскими цифрами обозначены «порядковые» номера помещений зимовья)

«к основным срубам первых трех комнат были присоединены остальные»⁸⁶.

⁸⁶ Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5, 6. С. 132, 137 (рис. 3–4).

Любопытно, что в 20-х гг. XX в. местные жители развалинам зимовий в Енисейском заливе приписывали нерусское происхождение и звали их «шведскими»⁸⁷. Характеризуя промысловые постройки в низовьях Енисея и Енисейского залива, Н.К. Ауэрбах приводил следующие данные, полученные им от местного населения: «зимовья, ныне необитаемые “пустые”, как их зовут на севере, тянутся по правому берегу Енисейского залива, начиная от Толстого носа на расстоянии 15–50 верст друг от друга. Некоторые представляют собой постройки различной степени сохранности, обычного северного типа, конечно, деревянные, с крытым двором в несколько – 5–10 отдельных помещений, из которых большинство – кладовые, склады, одним словом, службы. Другие постройки – двухэтажные. Таких немного: у Крестовского и еще на мысе Макаревича в северной части залива. В районе ниже Крестовского промышленники находили в таких пустых зимовьях всю обстановку жилья: посуду, оружие и все в таком виде, будто жители оставили зимовье случайно и неожиданно»⁸⁸.

Аналогичную планировку имели развалины зимовий, расположенных северо-восточнее р. Лемберова. Н.Н. Урванцев встречал развалины «на побережье океана между Пясиной и Енисеем и в устье Пясины». По его сведениям, встреченные им постройки были похожи на раскопанное зимовье и «поэтому тип этого последнего зимовья надо считать обычным не только для начала XIX в., но и XVIII века»⁸⁹.

Отождествляя зимовье с постройками, отмеченными на картах и в документах Мангазейского Троицкого монастыря, Н.К. Ауэрбах пришел к выводу, что раскопанный им объект

⁸⁷ Ауэрбах Н.К. К исторической археологии низовьев Енисея // ЭБ ВСОРГО. 1923. № 4. С. 16.

⁸⁸ Там же. С. 15.

⁸⁹ Ауэрбах Н.К. К исторической археологии низовьев Енисея // ЭБ ВСОРГО. 1923. № 4. С. 15; Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. Красноярск, 1929. С. 21.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

соотносится с зимовьем Малым. На карте Гензелиуса 1745 г. оно показано как самое северное зимовье в Енисейском заливе⁹⁰.

Зимовье Малое, видимо, было оставлено в результате череды эпидемий гнилой и простой горячки, оспы, цинги, чесотки, свирепствовавших на севере Енисейской губернии в 1832–1857 гг. Причем в брошенном зимовье было оставлено большое количество разных предметов⁹¹.

Через 20 лет после исследований Н.К. Ауэрбаха, в сентябре 1940 и весной 1941 гг. на о. Фаддея и в заливе Симса (северо-восточном побережье Таймыра) гидрографами были обнаружены находки, свидетельствующие о появлении здесь русских мореходов в первой трети XVII в. На острове были найдены остатки вещей, спрятанных под галечной насыпью, а на берегу залива располагались остатки небольшой избушки 2x2 м, около которой находились скелеты двух людей и остов плоскодонной шлюпки⁹². В результате изучения двух пунктов была собрана большая коллекция вещей, в том числе 1386 монет на о. Фаддея и 2018 монет на берегу залива Симса. Все найденное было привезено в Красноярск и сдано в эвакуированный сюда Музей Арктики⁹³.

В 1943 г. материалы, найденные гидрографами, впервые были опубликованы сотрудником Красноярского краеведческого музея этнографом Б.О. Долгих. Рассматривая находки, он выдвинул первые предположения о хронологии и направлении движения погибшей экспедиции⁹⁴.

⁹⁰ Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5, 6. С. 139.

⁹¹ Там же. С. 143–144.

⁹² Косой А.И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути 1940–1941 гг. М., 1944. С. 125, 127–128.

⁹³ Там же. С. 128–130.

⁹⁴ Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке // Проблемы Арктики. 1943. № 2. С. 195–226.

В 1945 г. по инициативе директора института Арктики В.Х. Буйницкого была организована археологическая экспедиция к месту обнаружения находок⁹⁵. Работы возглавил старший научный сотрудник Института истории материальной культуры (Ленинград) А.П. Окладников. Им осуществлялись раскопки на о. Фаддея, где была разобрана насыпь из гальки и найдены новые предметы. На берегу залива Симса было раскопано небольшое зимовье размером 2,6х2,6 м с печью-каменкой и крышей, засыпанной галечником, которая свалилась вовнутрь сруба⁹⁶. А.П. Окладниковым была восстановлена хронология всех сборов на памятниках, и по возможности обнаруженные ранее вещи были привязаны к зафиксированным комплексам. По материалам раскопок и сборов гидрографов в 1951 г. была выпущена фундаментальная работа, освещающая имеющиеся материалы⁹⁷. Находки с о. Фаддея и залива Симса в настоящий момент являются одной из крупнейших и представительных коллекций, характеризующих походы русских промысловиков в Сибирь в XVII в. В наше время памятник не утратил потенциала для исследования⁹⁸.

Выразительные археологические находки привлекли внимание к историческим работам, направленным на раскрытие характера и этапов русского освоения Таймыра. Сохранившиеся на Таймыре памятники иллюстрировали эти процессы и, как правило, отмечались историками. Было установлено располо-

⁹⁵ Вдовин А.С., Баташев М.С., Макаров Н.П. К истории археологического изучения Советской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19.

⁹⁶ Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. С. 58.

⁹⁷ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л., 1951. 252 с.

⁹⁸ Филин П.А. Исследования следов русской экспедиции XVII в. на острове Фаддея и в заливе Симса // Культурологический журнал. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/522.html&j_id=45 (дата обращения: 12.11.2022).

жение первого русского поселения на р. Хатанге⁹⁹. Наличие мощных культурных останков высотой 1,5–2 м фиксируется на русских поселениях Хатангского залива. Отмечается, что «коренное» зимовье в устье р. Большой Балахны было схожим по планировке с зимовьем Малым. Остатки этого зимовья представляли собой обширное здание, состоявшее из нескольких комнат со скрытым двором и русскими печами в жилых помещениях¹⁰⁰.

Детальное изучение исторической топонимики побережья Таймыра и истории географических открытий было осуществлено В.А. Троицким. Являясь сотрудником Диксонской гидробазы и хорошо зная побережье, он установил полевые маршруты экспедиций на побережье Таймыра вплоть до начала XX в.¹⁰¹ Им были смоделированы пути движения экспедиций и отмечены памятные места, связанные с их деятельностью. Кроме архивных работ, В.А. Троицким осуществляется натурный поиск следов этих экспедиций. В Таймырской губе, севернее мыса Шатер, им было обнаружено и осмотрено зимовье «новокрещеного якута» Никифора Фомина, упомянутое Х.П. Лаптевым. В 1972 г. остатки зимовья разрушались прибоем, и оно нуждалось в раскопках¹⁰². Также В.А. Троицким было установлено расположение базового лагеря Лаптева

⁹⁹ Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. С. 132, 133.

¹⁰⁰ Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири // Известия ИСХИ: сб. работ кафедр охотоведения и зоологии. Иркутск, 1960. Вып. 18. С. 304, 305.

¹⁰¹ Троицкий В.А. Развитие географических представлений о полуострове Таймыр (до начала систематических съемок в 20-х годах XX в.): дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1975. 162 с.

¹⁰² Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 122, 126.

в Хатангском заливе¹⁰³. Особое внимание исследователем было уделено локализации зимовий, которые посещали участники первых экспедиций.

В.А. Троицкий на основании анализа журналов Второй Камчатской экспедиции, сведений Н. Бегичева и диксонских гидрографов собрал данные о всех постройках, располагавшихся на участке побережья между Диксоном и Пясинским заливом до начала XX в.¹⁰⁴ По его мнению, зимовья, известные по путевым журналам и картам Второй Камчатской экспедиции, прекратили существование после секуляризации имущества Туруханского Троицкого монастыря в 1765 г.¹⁰⁵ В отдельную группу В.А. Троицкий выделил объекты на восточном берегу Пясинского залива, построенные после 1740 г., но не позже 1760-х гг. К ним отнесены зимовья на полуострове Рыбный и севернее мыса Старожилов, в фьорде Хутуда. Как полагал В.А. Троицкий, промысел зверя на побережье Таймыра прекратился не позже начала XIX в.¹⁰⁶

В 2005–2008 гг. работы по поиску остатков исторических памятников в окрестностях пос. Диксон предпринимал Таймырский отряд по исследованию арктического побережья экспедиции МАКЭ АН под руководством Г.И. Лубнина¹⁰⁷.

В географическом отношении территория Таймыра между Енисейским и Пясинским заливами находится в пределах ар-

¹⁰³ Троицкий В.А. Поселок Харитона Лаптева на реке Хатанге // Наука и жизнь. 1980. № 1. С. 30–32.

¹⁰⁴ Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 126.

¹⁰⁵ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 46–47.

¹⁰⁶ Троицкий В.А. Остров Диксон. Красноярск, 1972. С. 54; Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 125.

¹⁰⁷ Лубнин Г.И., Есиков А.А., Лубнина А.Ф. Здесь ярче сиянья прошедших веков! // Диксонский вестник. 2009. № 5 (45). С. 1–3.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

ктической тундры. Она характеризуется низкогорным рельефом: это пологоволнистая, слабо всхолмленная и заболоченная прибрежно-морская равнина с абсолютными отметками до 50–100 м.

Почвенный покров развит крайне слабо, преимущественно с травянистой растительностью. Карликовая береза и ива растут только в пониженных частях рельефа и на южных склонах. Каменные осыпи покрыты многочисленными мхами и лишайниками.

Территория характеризуется арктическим климатом. Зима длится 8–9 месяцев, лето короткое – 2 месяца. Среднегодовая температура –10–15°C; летом, в июле и августе она достигает +5–10°C, изредка доходя до +25°C. Полярная ночь длится с ноября по февраль. В теплое время года часты туманы и пасмурные дни с мелкими морозящими дождями. Для района характерны постоянные сильные (10–15 м/с, достигающие 30–40 м/с) ветры северо-западных и северо-восточных румбов.

Промыслы на морском побережье между Енисейским и Пясинским заливами Карского моря располагались на вытянутом широтно берегу Петра Чичагова и восточном берегу Пясинского залива, ориентированного на север, разделялись широкой дельтой р. Пясины.

Крупными бухтами являются Западное и Восточное Голомо, Польшья и бухта Макарова. За мысом Зверобой начинается обширная Пясинская отмель, уходящая в море на 30 км и сильно осушаемая в отлив.

Район имеет развитую гидросеть. Самыми крупными реками являются Енисей и Пясина, образующие мощный пресноводный сток в Карское море, что способствует его высокой ледовитости. Между Енисейским и Пясинским заливами гидросеть развита неравномерно. В западной стороне в основ-

ном это небольшие реки, текущие в каменистом русле северных отрогов гор Бырранга и впадающие в бухты в западной части берега Петра Чичагова. В восточной половине крупных пресноводных притоков больше. Это р. Зеледеево, Новоморжово, Староморжово, Домба и т.д. Наиболее продуктивным в биологическом отношении является Пясинский залив, где в большом количестве гнездятся пернатые, в лагунах много рыбы, а на побережье небольшими табунами выходит северный олень.

В биолого-экономическом отношении район может быть назван охотничье-рыбопромысловым. Основные объекты возможного промысла: песок, дикий олень (ограниченно), белуха, рыба в заливах¹⁰⁸.

Возможность ведения промысла в экстремальных условиях Енисейского заполярья определялась в первую очередь наличием стационарной постройки – зимовья. Рубленные теплые постройки становились местом проживания при ведении промыслов, а также служили перевалочными пунктами при возвращении промышленников в Новую Мангазею. На промыслы завозилось все необходимое для его обеспечения, из еды брались только сухари и мука, бывшие постоянным дефицитом. Мясо и рыба для пропитания промышленников заготовливались на месте промысла.

Место под зимовье выбиралось таким образом, чтобы обеспечить возможность проживания промышленников в условиях крайне ограниченных ресурсов и удаленности от центров, где эти ресурсы можно пополнить. Наиболее важными для жизни становились пресная вода и плавник, являвшийся материалом для строительства и топливом для обогрева. На-

¹⁰⁸ Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера. Проблемы освоения. М., 1974. С. 135.

личие этих ресурсов, видимо, определяло и конечные пункты распространения промысловых построек. В 1740 г. штурману Д.В. Стерлегову проводник Рябов рассказывал, что дальше Пясинского залива он ездить не мог, потому что «наносного лесу и пресной воды в том месте не имеетца»¹⁰⁹.

Наиболее предпочтительным местом размещения построек в XVIII в. стали устья рек, впадающих в море и образующих пресноводные лагуны. Лагуны отделяются от моря широким галечным баром, который защищает их от сезонных штормов. Постройки старались ставить на краю берега высотой 1–2 м недалеко от воды и плавника (рис. 13).

Плавник был основным строительным материалом для всех построек. Он скапливался в вершинах бухт и забивал устья впадающих в море ручьев. В настоящее время на пляжах фиксируются сплошные навалы бревен шириной 20–50 м и достигающие высоты 3–5 м. Бревна в основном калиброванные, длиной до 6 м, являются остатками молевого сплава по Енисею и его притокам в XX в. Состояние бревен различно, но в основной массе это бревна с отсутствием коры, выветренные снаружи, за счет чего они имеют белый цвет. Количество их на берегу уменьшается по мере удаления от источника выброса – р. Енисей. В XVIII в. плавника было значительно меньше, и он был гораздо менее сортирован. Это вынуждало использовать в строительстве материал, полученный после разборки судов.

¹⁰⁹ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 75.

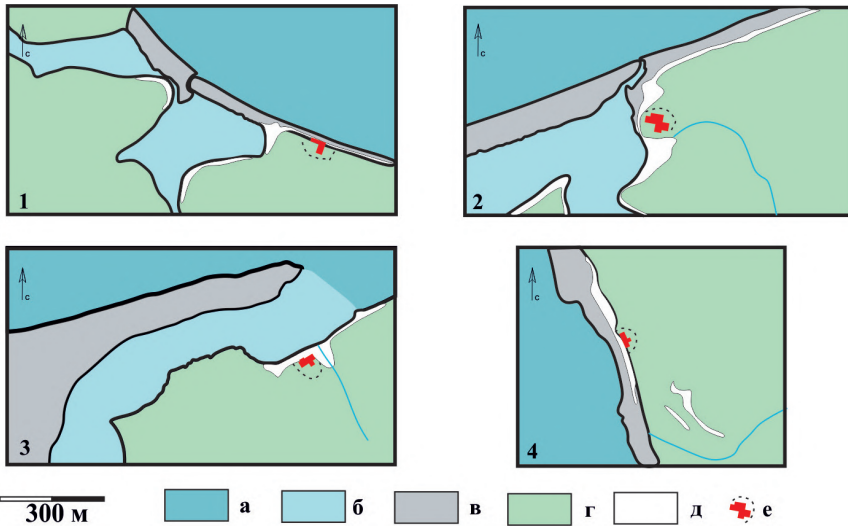

Рис. 13. Схемы размещения построек: 1–з. Нижнеподволошно; 2. –з. Моржево; 3 –з. Здоровско; 4 –з. Нижнепясинско (а – море; б – пресная лагуна; в – галечный бар; г – берег; д – навалы плавника; е – остатки построек)

Плавник также являлся источником обогрева для жителей зимовий. Практически круглогодичная нужда в протопке помещения и необходимость заготовки дров на зиму, когда бревна заваливало снегом, формировали определенный дефицит этого ресурса в случае долгого проживания промышленников в зимовье. Новокрещеный якут Н. Фомин, поставивший зимовье в устье Таймуры, 7 лет «дровами с великою нуждою довольствовался и возил из дальних мест». Как отмечал Н. Фомин, «в редком месте, где на берегу вновь наносной лес (и то старой) бывает»¹¹⁰.

В результате работ 2016–2021 гг. на побережье между о. Диксон и Пясинским заливом выделено шесть памятников, относящихся к периоду XVII–XVIII вв., связанных с зимовьями,

¹¹⁰ Записки гидрографического департамента. СПб., 1851. Т. IX. С. 22–23.

упомянутыми в архивных источниках. Четыре памятника представляли собой археологизированные жилищно-хозяйственные комплексы с культурным слоем, представленным органо-генными¹¹¹ отложениями, находящимся в мерзлом состоянии. Как правило, они располагались в комплексе с заброшенными промысловыми постройками более позднего времени. Наиболее концентрированное расположение промысловых построек фиксируется в бухте Западное Голомо, в которой расположено 6 строений XVIII–XX вв., в устье р. Макарова – 3, в устье р. Убойной – 5.

Наличие архитектурно целых зимовий, возведенных в традиционной технике, и археологизированных построек, поставило вопрос относительно хронологии и обоснованного датирования.

В условиях незначительного антропогенного вмешательства процесс разрушения жилых построек происходит только под воздействием естественных причин, проходя несколько этапов археологизации. Под ней понимается процесс разрушения и руинизации постройки с превращением ее в археологический объект, полностью скрытый под землей.

Первые наблюдения этих процессов были сделаны Н.К. Ауэрбахом и А.П. Окладниковым. Наши наблюдения за разрушением имеющихся на берегу архитектурно целых зимовий 30–40-х гг. XX в. с традиционными приемами рубки дополняют эти данные. Фиксируются несколько стадий разрушения постройки, которые заканчиваются формированием археологического памятника.

После оставления зимовья на продолжительное время началом разрушения строения является обрушение крыши под гнетом потолочной засыпки и ссыпка ее внутрь помещения. У зимовья на о. Крестовском, используемого в 1950 г., крыша

¹¹¹ Органо-генный слой – это слой, в котором сохраняются органические материалы, в первую очередь дерево, ткани и т.д.

еще не рухнула. В Енисейском заливе, в устье р. Каменка, стоит зимовье, которое было жилым еще в 1956–1957 гг. В нем в настоящий момент провалена крыша, но сруб сохраняет свою целостность.

Стены построек после обрушения крыши разваливались во внешние стороны, начиная с верхних венцов, и скатывались по ее периметру. Примером может служить постройка № 3 в бухте Западное Голомо, датируемая второй третью XX в. (рис. 14). У нее провалена крыша, верхние венцы съехали, распираемые потолочными балками, а само зимовье активно разрушается. В таком же состоянии находилось зимовье в устье р. Лемберова перед началом раскопок.

*Рис. 14. Разваливающаяся постройка № 3
в бухте Западное Голомо*

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

После обрушения крыши и стенового набора в рельефе остаются торчать заплотные столбы, нижние венцы и развал печи. Остатки сруба лежали на поверхности и гнили от соприкосновения с сырой тундрой, стачивались ветром и частично задерновывались.

При раскрытии построек в бухтах Макарова и Западное Голомо практически в дерне фиксировались остатки перекрытия, находившиеся в очень плохом состоянии. Основанию построек везло больше. Обсыпка потолочной засыпки внутрь помещения, снег, который превращался в фирн, способствовали тому, что нижние венцы с полом оказывались законсервированными этой плохо оттаивавшей массой (рис. 15).

Рис. 15. Потолочная засыпка зимовья Нижнеподволошного

Время от развала постройки до скрытия ее остатков под дерном можно проследить на примере известных на конец XIX – начало XX столетия объектов.

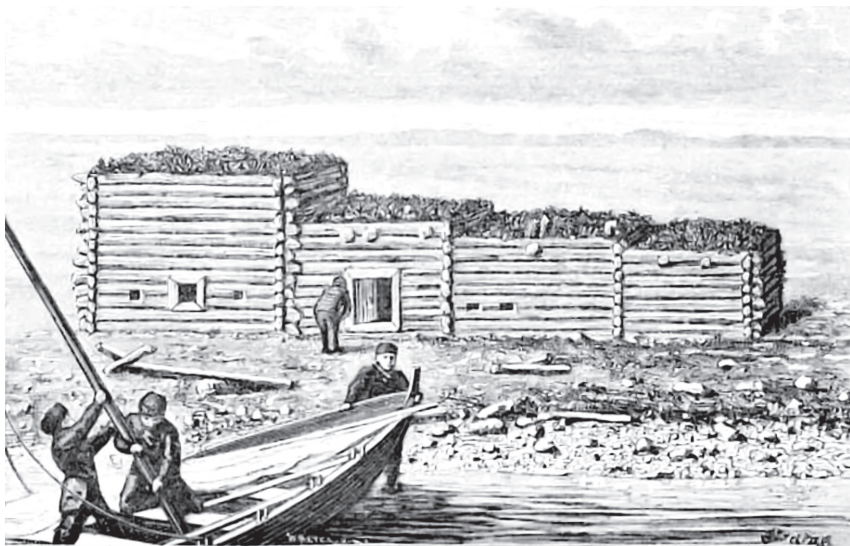
В устье р. Лемберова на момент проведения работ в 1921 г. у зимовья обрушилась крыша, а сруб потерял 2–3 своих верхних венца. Вся потолочная засыпка сползла внутрь сруба. Время от оставления зимовья промышленниками до разрушения кровли и верхней части заняло порядка 50–70 лет. Спустя почти 100 лет, в 2018 г. в устье р. Лемберова было осмотрено место, где проводились раскопки в 1920–1921 гг. От зимовья остался только бугор, на вершине которого видны выступающие на поверхность окладные венцы помещений, повторяющие план 1921 г. Остатки сруба и стеновых наборов не фиксировались (рис. 16).

Рис. 16. Остатки зимовья Малого в 2018 г.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

В 1875 г. экспедиция А.Э. Норденшельда посетила заброшенное зимовье Крестовское в Енисейском заливе. А.Ю. Стуксберг сделал его рисунок, на котором изображена архитектурно целая постройка без видимых нарушений¹¹² (рис. 17). Место расположения этого зимовья устанавливалось в 2018 и 2019 гг. Оно было найдено на южном входе в пролив Крестовский в месте, где позднее обозначалось зимовье Грибовское. В настоящий момент здесь фиксируются остатки многочастной постройки, схожей по планировке с рисунком А.Ю. Стуксберга. Остатки постройки полностью задернованы, на поверхности виден контур стен, выраженный в рельефе валиками.

*Рис. 17. Развалины зимовья Крестовского в 1875 г.
Рисунок А. Стуксберга*

¹¹² Норденшельд А.Э. Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. СПб., 1881. С. 185–186.

Полностью археологизированные зимовья представляют собой бугор с уплощенной вершиной, выделяющийся среди спокойного ландшафта тундры. Эти возвышения сложены слоями щепы, образовавшейся от рубки зимовья, бытовым мусором и скреплены каркасом срубной постройки, от которой остается два-три венца. Арктический климат и особенности накопления слоев из щепы способствовали образованию ледяной линзы, сковывающей весь бугор круглогодично. На поверхности фиксируется планировка многочастных построек. В последние годы развитие береговой абразии привело к тому, что часть исторических построек начинает разрушаться, а многолетняя линза оттаивает. Как минимум три объекта потеряли больше 10 % своей площади.

Имеющиеся наблюдения предварительно определяют сроки полной археологизации построек на Таймыре в 170–250 лет при учете, что они не ремонтировались и не переносились. Примером второй жизни старого сруба являются зимовья, обнаруженные в устье р. Каменки в Енисейском заливе и в устье р. Убойной.

Особенности функционирования и разрушения постройки определили и различные условия фиксации культурных остатков при них. Первая группа находок встречалась непосредственно на полу и над ним. Она связана с теми предметами, которые были оставлены промысловиками после того, как они покинули зимовье. Как правило, это целые вещи, составляющие хозяйственно-бытовой комплекс конкретной части зимовья, законсервированный обвалом потолочной засыпки внутри помещения.

Другой комплекс находок встречался под половым настилом среди слоев щепы. Вещи, как правило, являются ношеными и использованными, утратившими первоначальную целост-

ность. Среди них встречаются и археозоологические находки, в том числе остатки шкур, скелетов животных и рыб, залегающих в мерзлотных линзах. Большинство находок под полом достаточно крупные, чтобы попасть сюда через щели в полу. В настоящий момент вопрос с датированием этого комплекса не решен. С одной стороны, они могли попасть сюда после заматывания мусора под легко поднимаемый настил, с другой – щепы с отслужившими свой срок вещами и биогенными остатками могла образоваться вокруг более ранней постройки и оказаться перекрытой новым прирубом.

Особенности формирования археологических памятников в этом районе позволяют без полных раскопок восстановить планировку и тип промысловой постройки конца XVII–XVIII в. На поверхности фиксируются валики стеновых наборов, видны основания столбов с нарощенными на них шапками мха. Ортофотосъемка позволяет представить контур постройки на момент ее окончательного разрушения.

Данные наблюдения и частичные раскопки позволили выделить среди имеющихся построек на побережье наиболее ранние исторические памятники, относящиеся к первой половине XVIII в.

Сведения о зимовьях приводятся ниже по географическому принципу, с запада на восток. Первичная локализация построек выполнена на основании данных источников второй четверти XVIII в., сведений различных научных экспедиций, посещавших полуостров в XIX – начале XX в., материалов, собранных Н.К. Ауэрбахом, В.А. Троицким и Г.И. Лубным.

Зимовье Нижнеподволошное

Зимовье Нижнеподволошно на карте Ф.А. Минина отмечено в вершине первой крупной бухты за мысом Северо-Восточный. В XVIII в. он назывался по зимовью – мыс Подволошный,

а бухта Западное Голомо носила наименование «губа Подволошная»¹¹³. В 1740 г. по требованию лейтенанта Х.П. Лаптева князю Сары Совалову было приказано следовать «для осмотру льдов на завороте земли» и доставки провианта (по 10 пудов сухарей) в зимовья Волгино, Стрелово и Нижнеподволошно¹¹⁴. Недалеко от зимовья в 1738 г. был выставлен маяк¹¹⁵. В зимовье в 1740 г. останавливался сухопутный отряд Д.В. Стерлегова, взявший географические координаты его места расположения.

В бухте фиксируется несколько построек разной степени сохранности и возраста, впервые описанные в 2002 г. отрядом Г.И. Лубнина.

Остатки самой старой постройки отмечаются на мыске восточного берега пресноводной лагуны, находящейся в вершине бухты. Постройка была обследована и частично раскопана в 2018 г. Она выделяется в рельефе в виде небольшого холма высотой 0,6–0,8 м, имеющего уплощенную вершину (рис. 18). На поверхности фиксируются элементы стенового набора, которые частично задернованы, а частично лежат на поверхности и сильно истлели. Часть стенового набора лежит на бортах холма и рядом с ним. В юго-восточной части холма на поверхности видны нижние венцы одного помещения, имеющего размер 4,8x4,2 м.

¹¹³ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 22.

¹¹⁴ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 63, 64.

¹¹⁵ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 115 об.

Рис. 18. Зимовье Нижнеподволошное 2018 г. Вид с юго-востока

С севера в прилив археологизированные остатки зимовья подмываются морским прибоем и подрезаются ледяными торосами. В результате в основании помещения, находящегося в северо-восточной части постройки, образовалась волноприбойная ниша. В низком береговом обрыве были видны торчащие половые плахи с вымываемым из-под них культурным слоем. Разрушаемая часть зимовья была изучена раскопом, захватившим одно помещение.

Изученная комната имела размер 3х3 м, южная и западная стенка являлись стенами соседних клеток. Северная стенка не сохранилась, от восточной осталась только южная треть, примыкающая к соседнему помещению встык. От нее сохранилось два венца, которые удерживались с помощью вертикального столба, вкопанного в углу и впущенного в чашки, вырубленные с внутренней стороны стенки.

От перекрытия сохранилось несколько трухлявых бревен, лежащих практически на поверхности и ориентированных по линии З – В.

Внутренняя часть помещения была заполнена слоем бурого суглинка мощностью 6–10 см, равномерно распределившегося по поверхности камеры и являвшегося остатками потолочной засыпки. Половой настил сохранился полностью, он на 2/3 вымощен судовыми плахами шириной до 55 см с отверстиями из-под нагелей. С восточной стороны мощение продолжено расколотыми наполовину бревнами. Между судовыми плахами и пластинами бревен был уложен двухкантный брус, разгораживающий эту камеру на две части. Пол был постелен на свободно лежащую лагу, сделанную из переиспользованного бревна.

Печь располагалась в юго-восточном углу, от нее сохранился столб опечка, под который в расколотых бревнах пола вырублены пазы. От самой печи остались термически расколотые камни, смешанные с глиной, часть которых смыло на пляж.

Находки были зафиксированы в двух позициях – непосредственно на полу и под ним. В южной половине на полу лежал фрагмент борта лодки с отверстиями под «шитье», бондарный обод, крышки туесов, деревянная лопатка. В восточной половине за печью найдены развалы деревянной тары – ведра и туеса (рис. 19).

*Рис. 19. Остатки бондарной тары в сенях зимовья
Нижнеподволошного*

Среди камней печи найдены остатки корродированной железной сковороды, а под камнями лежало топорище. Восточнее развала лежала массивная округлая в плане плита сланца, подработанная с краев. Подобные плиты были встречены в зимовье Малом, и они были интерпретированы как гнет, укладываемый в «поноски»¹¹⁶.

Находки под полом встречены в слое органических остатков, состоящих из щепы и строительного бытового мусора, скопившегося в южной половине у северной стены соседнего помещения. Слой на момент раскопок находился в размороженном состоянии и начал покрываться плесенью. Половая лага была уложена на этот слой, сами находки имеют значительные размеры, исключаяющие попадание их через половые щели.

¹¹⁶ Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5, 6. С. 132.

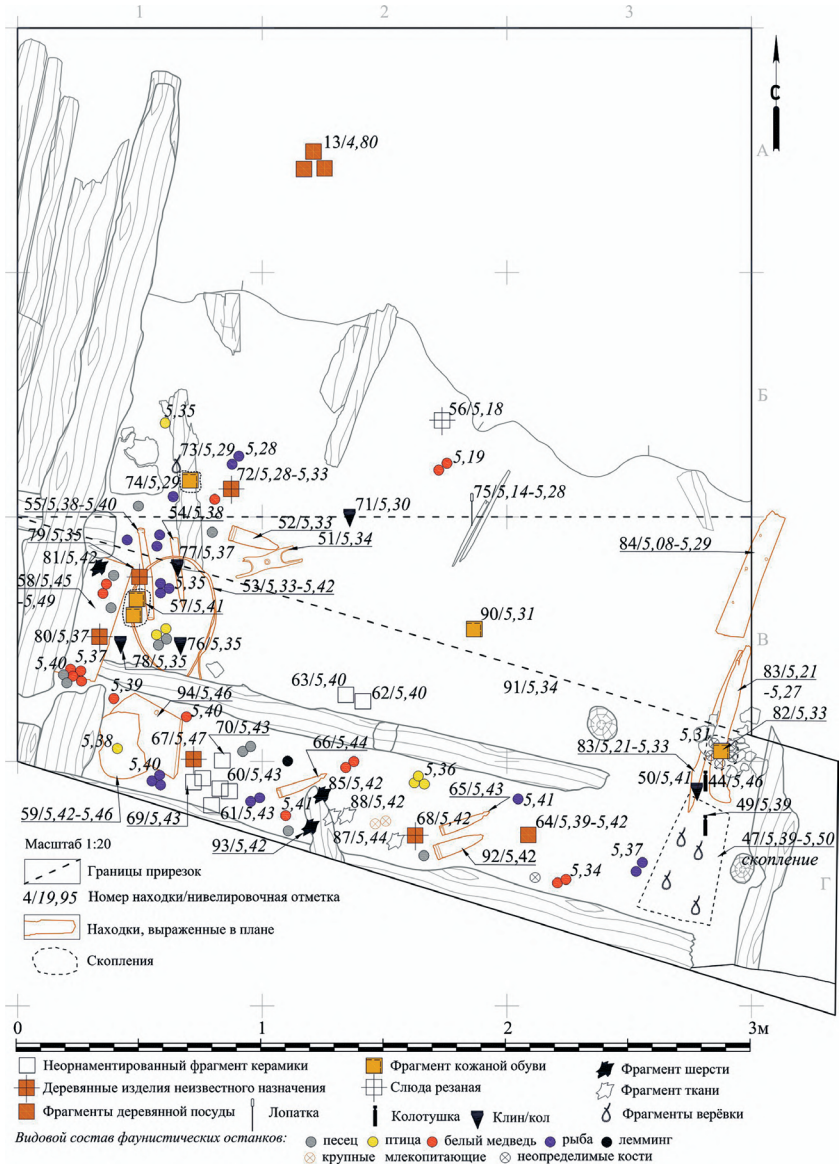

Рис. 20. Распределение находок под полом в сенях зимовья Нижнеподволошного

Среди щепы были найдены бытовые предметы, связанные с промысловой деятельностью жителей зимовья, а также вещи, отслужившие свой срок. Были найдены три колотушки с оформленными рукоятками, рыболовное мотовило, лопатка, фрагмент рукояти ковша с остатком чашки, бондарный обруч, элементы судовой обшивки лодки. Элементы костюма промышленников представлены изношенной кожаной обувью, кожаной пуговицей и обрезью, оставшейся от ремонта. Также найдены фрагменты ткани, шерсти и моток плетеной веревки. В щепе были зафиксированы черепки гончарных сосудов, фрагмент резаной оконной слюды (рис. 20).

Выразительной находкой являются четыре створки футляра для промыслового копья, также найденные под полом (рис. 21). Они делались из дощечек, плавно сужающихся

Рис. 21. Фрагмент футляра для промыслового копья

и имеющих на конце наверхие в виде приостренной маковки. Стенки тщательно заглажены, с внутренней стороны имеется вырезанная выемка под наконечник копья. В верхней части створки вырезан паз для крепления. Копья в футлярах-ножах являлись неизменным атрибутом промыслового снаряжения зверопромышленников в арктических морях¹¹⁷. Подобный футляр найден в зимовье Малом, в постройках на Шпицбергене,

¹¹⁷ Рисунки к исследованию рыболовных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863.

Экман-фьорде, поселении Литл Ред Бей. На Шпицбергене промысловые копы применялись для охоты на моржей, когда загарпуненное животное добивалось при подводке к лодке или берегу¹¹⁸.

О характере других помещений, фланкирующих эту комнату с юга и запада, частично можно судить по их северной и восточной стенках, попавших в площадь раскопа.

От северной стенки южного помещения сохранилось два венца длиной 2,75 и 2,9 м. Западный угол сруба рублен в обло с выпуском. Под нижний венец подложено ранее использовавшееся бревно с двумя продольными пазами. По центру первого венца сделан небольшой выруб, характерный для нижней части входа. Слева от входа, через стенку с соседним помещением располагалась печь, от которой виден развал высотой до 0,5 м. (рис. 22).

*Рис. 22. Северная стена жилого сруба зимовья
Нижнеподволошного*

¹¹⁸ Старков В.Ф. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М., 2011. С. 32, 74, 76, 42 (рис. 21).

С запада от раскопанной части располагалось помещение, от которого сохранилось восточная стенка, состоящая из трех венцов. Внешний северо-восточный угол разрушен и висит над обрывом. Юго-восточный угол рублен в обло с длинным выпуском (до 0,4 м), который соединялся с углом южного сруба встык с помощью уплощенных затесов на концах. Пол в этом помещении вымощен досками, идущими в том же направлении, что и в раскопанном помещении.

Рассматривая планировку частично изученного зимовья, можно сделать вывод, что постройка представляет собой многочастный жилищно-хозяйственный комплекс, а раскопанная часть являлась теплыми сенями (рис. 23). Печь располагалась в дальнем юго-восточном углу, слева от входа в жилой сруб. Судя по находкам на полу, в сенях хранилась различная тара, составленная в углу у печи. Через сени попадали в жилой теплый сруб, рубленный в обло с выпуском. Сруб находился в юго-восточном углу зимовья и был защищен от северных и северо-западных ветров примыкавшими к нему клетями. Соседние помещения к жилому срубам пристраивались встык, без перерубов.

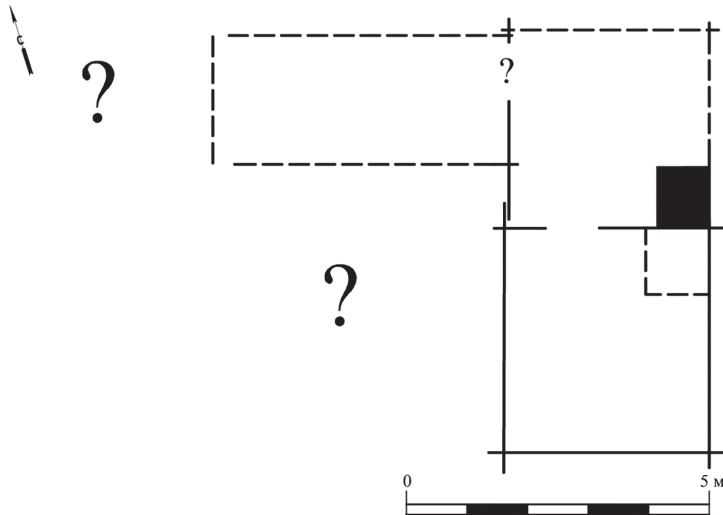

Рис. 23. План-схема помещений зимовья
Нижнеподволошного

Общее количество помещений в зимовье без полных раскопок в настоящий момент не устанавливается. Зимовье необходимо исследовать полностью, так как ему угрожает уничтожение в результате развития береговой абразии.

В настоящий момент описанная выше постройка ассоциируется с зимовьем Нижнеподволошным.

Зимовье Убойное

Зимовье Убойно обозначено Ф.А. Мининим на восточном берегу глубокой бухты. От него на расстоянии в две версты находилась речка Рига Каменная, в десяти верстах от которой «имеетца камень Кармакул»¹¹⁹.

В.А. Троицкий локализовал это зимовье в бухте Восточное Голомо¹²⁰. Натурное обследование этого участка в настоящий

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 121.

¹²⁰ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 125, 126.

момент не проведено. Единственные три постройки в этой бухте находятся южнее западного входного мыса бухты. На снимках дистанционного зондирования земли, недалеко от двух построек, стоящих на пляже, виден бугор, подквадратный в плане формы, размером 10x10 м (снимки ESRI, координаты N73°34'28,0048" E81°17'50,9769"). При анализе доступных космоснимков, имеющих разрешение, которое позволяет зафиксировать развалины и мелкие положительные формы рельефа в тундре, других построек в бухте не зафиксировано.

С речкой Рига Каменная может быть ассоциирована р. Ляшкова, находящаяся в вершине бухты и в двух километрах восточнее построек. Устье реки находится восточнее массивного скального выхода. Напротив устья сформирован галечный конус выноса шириной 400 м. Данная особенность отличает ее от других рек на берегу, и речка в полной мере заслуживает приставки «Каменная». Другой упоминаемый топоним, «камень Кармакул», связан с обозначением опасных для мореплавания каменистых банок. Единственная банка в этом районе находится напротив мыса Аварийный в 12 км восточнее от устья р. Ляшкова¹²¹.

Зимовье Речишное

Третьим зимовьем на берегу Петра Чичагова, отмеченным на карте и упомянутым в иных документах, является зимовье Речишное, расположенное в устье крупной реки на побережье. В ведомости Мангазейского уезда зимовье Речишное размещено в 15 верстах от камня Кармакул, в устье р. Отстойная. Также здесь сказано, что «прямо того зимовья в море под сивер стоит остров Голоменной в виду человеческого. От того острову пошли острова большие до пясинского устья»¹²².

¹²¹ Лоция Карского моря. СПб., 1998. С. 236–237.

¹²² РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 121, 122.

Зимовье Речишное было локализовано В.А. Троицким в устье р. Убойная. По его данным, современное название реки происходит по зимовью Убойно¹²³.

В 1901 г. устье реки посещал Н.Н. Коломейцев. На основании его сведений в 1906 г. А.В. Колчак составил карту побережья, где отметил две нежилые постройки на левом входном мысу р. Убойная. В 1922 г. эти постройки видел Н.Н. Урванцев, описавший их, как стоящие на высоком правом берегу (направление берегов дано от моря) развалины двух изб с амбарушками при них, а несколько ниже еще одну избушку. В этой избушке он нашел две пары лыж, оставленных членами экспедиции Р. Амундсена П. Кнутсеном и П. Тессемом¹²⁴.

Устье р. Убойная находится на восточном краю скального массива, тянущегося от пос. Диксон (рис. 24). В отличие от рек, находящихся западнее, русло ее хорошо сформировано и проходит по спокойной полого-увалистой равнине, а в устье имеется широкая пресноводная лагуна с галечным баром, заваленным плавником.

На левом, приустьевом мысу р. Убойной, образованным слиянием рек Пермякова и Убойной находятся развалины зимовья, ремонтируемого и периодически используемого до 2010 г. В 2017 г. у зимовья обрушился потолок и вся засыпка свалилась внутрь.

¹²³ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 125, 126.

¹²⁴ Урванцев Н.Н. Таймыр – край мой северный. М., 1978. 238 с.

Рис. 24. Устье р. Убойная

Дом вписан в угол более старых построек, фланкирующих его с юга и востока. Эти постройки переработаны под нужды реалий второй половины XX в. – расширены проходы, изменена внутренняя планировка, отремонтированы и заменены отдельные доски, которые прибивали на прокатные гвозди. Крупные конструктивные узлы построек скреплены с помощью железных скоб. Наименее пострадавшими от поздних переборок оказались внешние стены этих помещений, имеющие более темный цвет и аккуратную рубку без применения гвоздей (рис. 25).

*Рис. 25. Сохранившееся многочастное зимовье
в устье р. Убойная*

Центральное место среди них занимает сруб размером 2,8х2,9 м, стоящий у восточной стены дома, у его северо-восточного угла. Сруб собран из плавника на высоту в 10 венцов, рубленных в обло с остатком. Между двумя верхними венцами по центру восточной и северной стенки вырублены окна. Перекрытие уложено на восточную и западную стены. Соседние стены подняты на венец выше, за счет чего крыша более притоплена и лучше защищена от северных ветров.

С севера к срубам прирублена постройка, перебранная в советское время. От нее сохранилось два заплотных столба. Северо-восточный столб выполнен из толстого вкопанного бревна, в торце которого сделан глубокий паз. В него впущен брус, увеличивающий длину этого столба на 0,5 м. В настоящий момент к нему прибита прокатными гвоздями лага перекрытия, соединенная со срубом.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

С юга к срубам примыкает постройка, собранная в набирку. Она имеет размер 3,5х3,5 м. Два внешних угла представляют собой вкопанные толстые заплотные бревна, в которых вырублен продольный паз. В эти пазы впущены три широкие плахи, образующие стену высотой 1,5 м. На торцы угловых столбов была уложена потолочная балка. Перекрытие сделано из широких плах и расколотых бревен, засыпанных дерном.

Следующей идет постройка, собранная также в заплот, но значительно выше соседних помещений. Стена высотой 1,9 м, набрана из 10 досок, которые опирались на нижнюю доску, врубленную в столбы выше уровня земли. Перекрытие плоское, уложено на лагу, врубленную между двумя последними досками стенового набора, за счет чего оно оказалось приплюснено и защищено от восточных ветров. Южные торцы перекрытия были уложены на стену соседней клетки.

К этому помещению с торца примыкает постройка южного ряда. Для набора стены было вкопано два бруса на расстоянии 6 м высотой 1,7–1,9 м. В продольные пазы были впущены семь досок почти одинаковой ширины 0,25 м. Для вставки в паз концы досок подтесаны, в нижней вырублен шип. Под перекрытие на заплотные столбы была уложена лага, на которую легли концы досок.

Юго-восточнее этих построек, в глубине террасы зафиксирован окладной венец постройки, рубленной в обло с остатком и лежащей практически на поверхности. Развалов стен и культурного слоя вокруг нее не зафиксировано. Размеры помещения предполагают подсобное ее назначение у основного зимовья. Предположительно, эта постройка нанесена на план А.В. Колчаком в 1906 г.

Судя по планировке сохранившихся построек, данный комплекс представлял собой большое зимовье, выстроенное в каре вокруг двора и схожее по планировке с зимовьем в устье р. Лемберова. Вероятно, зимовье также было оставлено в се-

редине XIX в. При восстановлении промыслов в этом районе постройка была отремонтирована и использовалась до настоящего времени.

Это зимовье построено на остатках более ранней постройки, которая служила удобной, сухой площадкой, возвышающейся над мокрой тундрой. Остатки венцов и части конструкции торчат из дерна с бортов бугра. Шурфом зафиксировано, что на этом участке культурный слой состоит из щепы, он периодически оттаивает из-за чего активно разрушается и гниет. Находок в слое немного, наиболее приметной является деталь типа коры, вырубленная из комлевой части бревна и используемая для ремонта лодок.

Имеющиеся исторические сведения и данные, собранные В.А. Троицким, позволяют отнести расположение зимовья Речишное к устью р. Убойная, которое является самым удобным местом на этом участке побережья. К комплексу XVIII в., соотносимому со временем существования зимовья в период нахождения здесь Второй Камчатской экспедиции, могут быть отнесены конструкции и слои, находящиеся под архитектурно целыми постройками. Судя по площади, занимаемой органомными отложениями, она также представляла собой большую многочастную постройку, установленную на краю мыса. Более детальные характеристики могут быть даны только при проведении раскопок на свободных участках.

Рис. 26. Устье р. Зеледеево

Зимовье Зеледеево

Следующим зимовьем на побережье Карского моря было Зеледеево, которое находилось в 15 верстах от зимовья Ре-чишное, в устье р. Зеледейха (Зеледеево), имевшей ширину 50 сажень¹²⁵ (рис. 26).

Современная форма названия Зеледеево установилась в 1930-х гг., когда были восстановлены промыслы на побережье¹²⁶. На современных топографических картах р. Зеледеево находится в 32 км восточнее р. Убойной, в устье реки обозначено одноименное зимовье.

В устье реки находятся два входных мыса с крутыми склонами, между которыми проходит широкая галечная коса, заваленная плавником и образующая пресноводную лагуну. На косе стоит заброшенное зимовье с высокой скатной крышей,

¹²⁵ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. 1. Ч. 5. Л. 122, 159.

¹²⁶ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 121.

окруженное хозяйственными постройками с плоскими крышами. На устье стока из лагуны стоит еще одна изба размером 3х3 м.

Осмотр наиболее пригодного для размещения зимовья участка на западном входном мысе не зафиксировал каких-либо построек, несмотря на то, что на берегах практически нет никаких антропогенных вмешательств. Объяснение отсутствия каких-либо следов зимовья может крыться в неправильной идентификации места расположения. Возможно, постройка находилась в другом месте. Для точного выяснения его места и поиска развалин необходимо детально обследовать устье р. Зеледеево и расположенное западнее устье р. Талой.

Зимовье Кускино

Зимовье Кускино на карте Ф.А. Минина обозначено на левом берегу безымянной реки, между зимовьями Зеледеево и Моржево. Согласно перечню зимовий 1739 г., оно находилось в 10 верстах от зимовья Зеледеево¹²⁷. В.А. Троицкий идентифицировал место расположения зимовья в устье р. Новоморжово¹²⁸.

Рис. 27. Устье р. Новоморжово

¹²⁷ РГАДА Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122.

¹²⁸ Троицкий В.А. Остров Диксон. Красноярск, 1972. С. 85.

Устье реки было осмотрено в 2017 г. (рис. 27). Оно представляет собой два входных мыса, образующих пресноводную лагуну, перегороженную галечным баром. Сток реки в море находится у западного коренного берега. У западного входного мыса намыта небольшая галечная коса, на которой стоит заброшенная срубная постройка со скатной крышей советского периода, обозначенная на картах как зимовье Марково. Территория активно осваивалась и сильно захламлена бочками, остатками техники и небольшими отдельно стоящими постройками. Западнее этого зимовья, на мыске коренного берега находится избушка с плоской крышей, рубленная в обло с выпуском. Сруб использовался зимовщиками под хозяйственные нужды, он неоднократно перебирался и ремонтировался. На поверхности вокруг этой постройки видны остатки конструкций, скрытых под землей. В обнажениях видны выходы культурного слоя, состоящего из щепы с включением костей животных. Берег на этом участке разрушается береговой эрозией, часть дерна сползает по обрыву вниз. Возраст конструкций и слоя в настоящий момент не определен. Этот участок является единственным местом, пригодным для размещения зимовья, и, предположительно, именно здесь могли находиться постройки зимовья Кускино.

Зимовье Моржево

Последним зимовьем перед Пясинским заливом было зимовье Моржево, «и под тем зимовьем речка Моржавка»¹²⁹. На карте Ф.А. Минина оно обозначено западнее приметного мыса, локализованного в XX в. и получившего наименование в честь исторической постройки – мыс Моржево¹³⁰. Этот мыс являлся навигационным ориентиром для мореходов XVIII в. и используется для этих целей в настоящее время¹³¹.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122.

¹³⁰ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 123.

¹³¹ Лоция Карского моря. СПб., 1998. С. 242.

Зимовье Моржево посещалось членами морского отряда Ф.А. Минина. Известно, что 14 августа 1740 г. для поиска потерянного ялбота из зимовья был отправлен квартирмейстер Фурьев с двумя людьми. Также Д.В. Стерлеговым были взяты широтные координаты зимовья¹³².

Впервые место расположения зимовья на карту 1906 г. нанес А.В. Колчак.

Поиск этого зимовья осуществлялся в 2017 и 2021 гг., когда обследовались участки в устье р. Староморжово. Остатки постройки обнаружены на восточном берегу пресноводной лагуны, образованной стоком р. Староморжово. Она находится на небольшом сухом мыске, покрытом мелким галечником. Борты мыса в настоящий момент разрушаются, в имеющихся обнажениях видны выходы культурного слоя.

Остатки конструкций видны на холме с крутыми бортами и уплощенной вершиной, где из дерна валиками выделяются окладные венцы частей постройки. Остатки стенового набора и перекрытия лежат на вершине бугра и его бортах.

¹³² РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 71 об., 119.

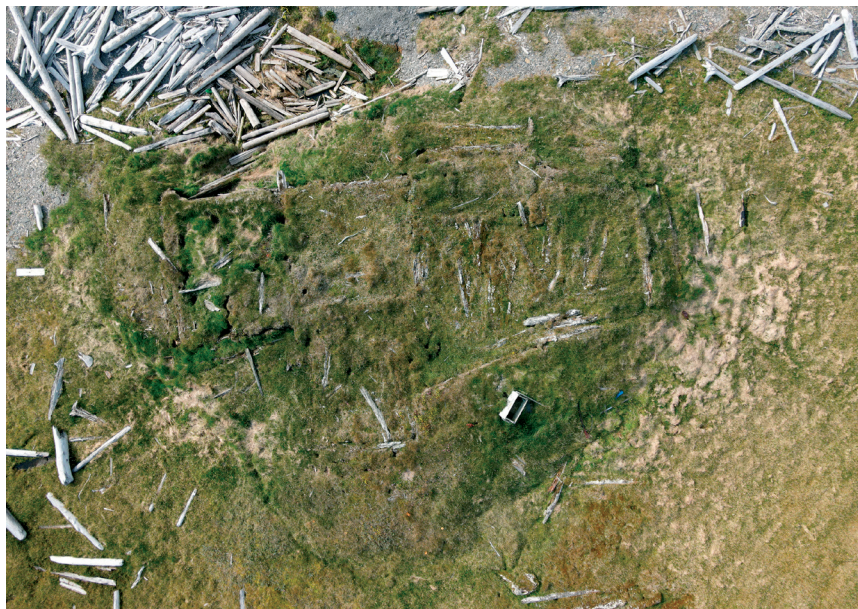

Рис. 28. Остатки зимовья Моржево. Ортофотоплан

Постройка длинной осью ориентирована по направлению СЗ – ЮВ и имеет размер 15х11 м. Зимовье многочастное, его основу представляет теплый жилой сруб размером 3,6х3,8 м. (рис. 28). Судя по имеющимся фрагментам стенового набора и нижних венцов бревен сруб рубился из бревен плавника длиной 4–4,5 м и диаметром 20–30 см. Сруб рублен в обло с выпуском. Внешние стены жилой части утеплены завалинкой, имеющей ширину до 2 м. Завалинка с внешней стороны укреплялась каркасом из бревен, положенных у ее основания.

Вход (шириной 0,9 м) находился в северной стенке, справа от него, в северо-западном углу располагалась печь. Она фиксируется по развалу, имеющему в плане квадратную форму и размеры 1,9х1,65 м, высотой 0,45 м.

С северной стороны к теплому срубу прирублены сени размером 4х3,8 м. В юго-восточном и северо-восточном углах постройки зафиксированы два заплотных столба, в которые впущены бревна внешней западной стены. Концы бревен, затесанные на тупой клин, впускались в продольные пазы в столбах. Перекрытие сеней выполнено накатником из бревнышек 12–15 см диаметром, ориентированных по оси З – В. На конце упавшего заплотного столба, стоявшего в северо-восточном углу помещения, виден вырубленный уступ, куда укладывалась балка под перекрытие.

Сени были теплыми, печь располагалась в северо-западном углу, через стенку от печи жилой части. От нее фиксируется небольшой бугор с двумя столбами опечка.

Вход в сени находился в южной половине восточной стены. Еще один дверной проем, через который попадали в хозяйственное помещение-амбар, находился в западной стенке. Амбар имеет размеры 5,5х3,3 м. Внутри этой клетки видны остатки дополнительных конструктивных деталей, функционально разгораживающих ее и организующих пространство в этом помещении. Остатки перекрытия задернованы и ориентированы по оси С – Ю.

С севера к сениам и амбару прирублены две небольшие постройки размером 3,2х2 и 2,3х1,9 м. Помещения разгорожены общей стенкой, с внешней стороны они утеплены завалинкой.

Еще одна пристройка зафиксирована с восточной стороны от жилого сруба и сеней. От нее сохранился окладной венец, по которому видно, что его внешний угол рублен в обло, с другими постройками она соединялась встык. Это помещение могло выполнять роль тамбура на входе в зимовье.

С западной стороны этой постройки сформировался достаточно мощный культурный слой толщиной до 20 см, сформированный щепой и другим мусором из зимовья. В нем много расколотых термически камней, характерных для печных раз-

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

валов. Отдельные находки найдены на выветрелой поверхности с севера от зимовья.

Следов поздних вмешательств в культурный слой и архитектуру постройки не зафиксировано. Место расположения зимовья хорошо соотносится с данными картографических источников. Архитектура постройки и уровень ее археологизации позволяют отнести ее к наиболее ранним промысловым жилищно-хозяйственным комплексам, появившимся на побережье. Данная постройка может быть определена как остатки зимовья Моржево, существовавшего здесь в течение первых двух третей XVIII в. Как и другие зимовья, постройка является многочастной, в ее основу лег теплый жилой сруб с сенями, к которым были прирублены дополнительные хозяйственные помещения, окружавшие горницу с двух сторон (рис. 29).

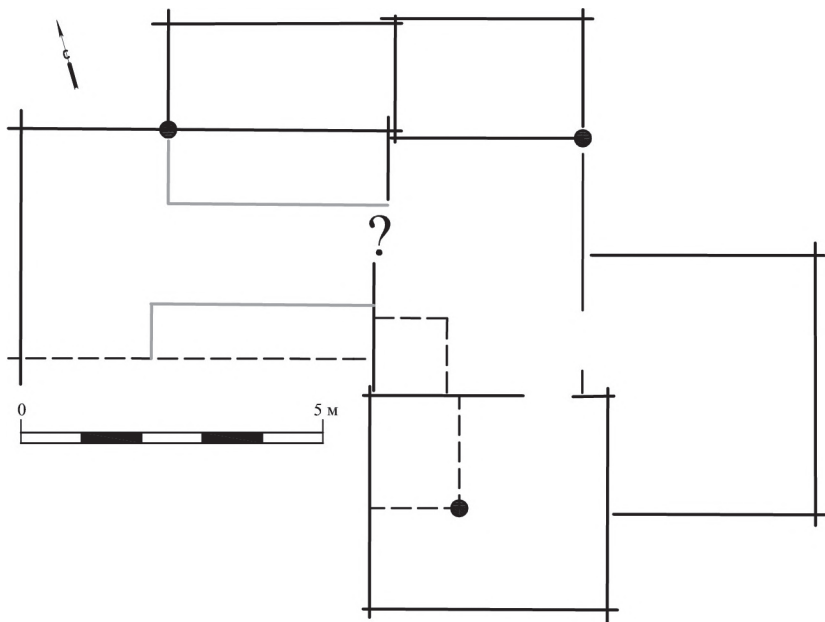

Рис. 29. План-схема помещений зимовья Моржево

Зимовье Здоровско

Зимовье Здоровско нанесено Ф.А. Мининым на карту в вершине бухты Макарова. 21 апреля 1740 г. здесь останавливался Д.В. Стерлегов, следуя со своими спутниками (двумя казаками и проводником Сергеем Соболевым) на Енисей после экспедиции к устью р. Таймуры¹³³.

В 2017 г. в вершине бухты было зафиксировано три зимовья, находящихся в различных стадиях археологизации, а также поселенческий и ритуальный комплекс эпохи Средневековья.

Наиболее поздним зимовьем является срубная постройка на галечном баре, где в 30-х гг. XX в. жил охотник-промысловик А. Макаров¹³⁴.

Еще два зимовья находятся на южном берегу пресноводной лагуны в устье небольшого ручья.

На правом высоком берегу ручья, на вершине мыса находятся полуархеологизированные развалины трехчастной постройки, представляющие собой связь изба – сени – амбар. В настоящий момент зимовье не идентифицировано ни с одной известной исторической постройкой на этом участке. Малая мощность накопления культурных слоев вокруг нее позволяет предположить, что ее использование было сезонным. Предварительная датировка постройки: последняя четверть XVIII – середина XIX в.

Третье зимовье находится на левом берегу ручья, на низком (1,5–2 м) берегу, на небольшом заболоченном мыске. В настоящий момент оно выделяется над поверхностью в виде небольшого холма с уплощенной вершиной. На поверхности видны развалины нескольких построек, ориентированных по оси СЗ – ЮВ. Северный борт холма разрушается, из него торчат остатки конструкций и нижние венцы северной половины зимовья (рис. 30). Разрушения начали происходить сравнительно

¹³³ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 118.

¹³⁴ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 123.

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях

недавно, часть конструкций отвалилась и просела в виде блоков, под которыми было вымыто основание. Зимовье многочастное, в настоящий момент фиксируется связь из трех помещений, вытянутых вдоль берега. В 2019 г. изучено два помещения, которым угрожало полное уничтожение.

Рис. 30. Внешний вид зимовья Здоровского. 2017 г. Вид с севера

Под двумя помещениями – жилым срубом и сенями – выполнено оригинальное устройство основания, призванное компенсировать неровность рельефа и расширить площадку под строительство. Для этого северный борт песчаного холма был усилен подпорной стенкой, внутренняя часть которой заполнена мешаной супесью с крупными кусками бревен. Она состоит из двух венцов, ориентированных по длинной стороне вдоль обрыва, поверх которых перпендикулярно уложены бревна на борт бугра. С внутренней стороны эти конструкции подпирались деревянными кольями, найденными в заполнении.

На северный борт этого подготовленного основания было уложено массивное бревно длиной 6 м и диаметром 0,3 м. В бревне было вырублено три простых чашки в полбревна, выложенных мхом. В них впущено три бревна меньшего диаметра длиной 3 м, сориентированные перпендикулярно эрозируемому борту. Треть длины этих бревен лежала на эскарпированной¹³⁵ и подготовленной поверхности, остальная часть опиралась на борт песчаного бугра. Под среднее бревно был уложен дополнительный венец длиной 1,5 м. Эта конструкция выполняла роль окладных венцов для двух помещений.

Западное помещение представляло собой теплую жилую часть, она в настоящий момент не раскопана. Сруб размером 2,8х3,5 м сложен из бревен с остатком диаметром 0,2 м. В настоящий момент от него сохранилось до четырех венцов. Верхние венцы трухлявы и сплющены, нижние находятся в хорошем состоянии и практически не подвержены гниению. На поверхности и под дерном сохранились остатки перекрытия этой камеры, ориентированного по оси С – Ю.

В обнажениях с северной стороны видны остатки полов, сложенных из плах, ориентированных по оси З – В. Плахи с восточной стенкой соединяются встык, без пазов. Под полами сохранился культурный слой в виде щепы, мешанной с серой супесью.

Вход располагался в восточной стенке, в южном углу. Проем имел ширину 1,1 м и на момент раскопок соседнего помещения был заложено остатком детали, сделанной из бруса. Концы бревен в проеме затесаны на тупой клин, следов косяка не зафиксировано. Справа от входа, в северо-восточном углу сруба находилась печь. В настоящий момент она выделяется развалом высотой 0,5 м.

С востока к этому помещению прирублены сени, построенные на том же основании. Размеры постройки 2,8х2 м. Внеш-

¹³⁵ Эскарп в геологии – крутой откос, утес, поднимающийся над плоской или слегка наклонной поверхностью, который образовался за счет сброса и/или эрозии.

ние углы рублены в обло с остатком. С жилым срубом сени соединялись встык путем завода концов бревен за выпуски сруба.

Северная половина помещения вымощена обрубками бортов лодки, кусками бревен. Большая часть рыхлых отложений вымыта в обвалившийся северо-восточный угол, туда же веером сместился разносортный настил. Этот настил уложен на слой прокаленной красной глины, под которым идет слой песка, перекрывающий линзы щепы и мусора, скопившихся в неровностях рельефа.

У западной стены жилого сруба зафиксирован печной развал. Он представлен слоем мешаного суглинка, лежащего на настиле и перекрытого обломками термически расколотых галек. Развал занимает площадь 0,4х0,5 м. Под ним найдены створка шахматной доски и обгорелая деревянная ложка (рис. 31). Другая половина доски найдена среди досок настила севернее.

Рис. 31. Шахматная доска в слое

Южная половина помещения застелена полом из девяти плах. С восточной стороны половые доски впущены в продольный паз, с западной стороны они уложены торцами встык. С севера полой настил придерживался поставленной на ребро доской, врубленной в глухие продольные пазы в окладном венце противоположных стен. Во втором венце имеется еще один паз, предполагающий установку досок в два ряда (рис. 32).

Половые доски разного размера. Одна половица сделана из доски, на конце которой выполнен шип с цилиндрическим отверстием. Пол активно использовался, и практически вся его площадь покрыта порубами. В крайней плахе на правой половине фиксировалась блюдцеобразная вырубка, образовавшаяся от колки дров. В юго-западном углу на полу найдена разделочная доска, сделанная из борта лодки.

Рис. 32. Внешний вид раскопанной части зимовья Здоровско

Пол уложен на три лаги, которые были втоплены в замороженный слой щепы и мусора и перекрыты дорожками мусора, ссыпавшегося с щелей. Для поднятия уровня пола на концы крайних лаг сверху уложено по подкладке – доска и кусок расщепленного бревна.

Под полом зафиксированы органогенные отложения, скопившиеся в аморфных ямах в песчаной поверхности бугра. Основное их наполнение – это мелкая строевая щепка с мхом и грязью, среди которой встречаются длинные рейки, кости, шкура, исключая их попадание сюда через щели пола. Этот слой находится в замороженном состоянии с жилами льда в нем и в настоящий момент законсервирован.

С востока от сеней располагалась холодная хозяйственная постройка без пола размером 2,8x2,4 м. Она возведена на самом краю холма и имеет перепады высот в северо-восточном углу. Ее две стены (западная и южная) являлись стенами соседних камер. Внешние стены (северная и восточная) не сохранились. Заполнение камеры представлено потолочной супесчаной засыпкой с остатками перекрытия. Среди остатков перекрытия, в юго-западном углу постройки найден пучок деталей от самоловов, видимо, хранившихся под

Рис. 33. Копылья от собачьих нарт, зимовье Здоровско

крышей. Судя по имеющимся данным, помещение выполняло хозяйственную функцию и являлось амбаром.

С южной стороны к связи из трех помещений было прирублено еще одно помещение, от которого на поверхности лежат два венца. Они врублены в юго-восточный угол избы и южную стенку амбара.

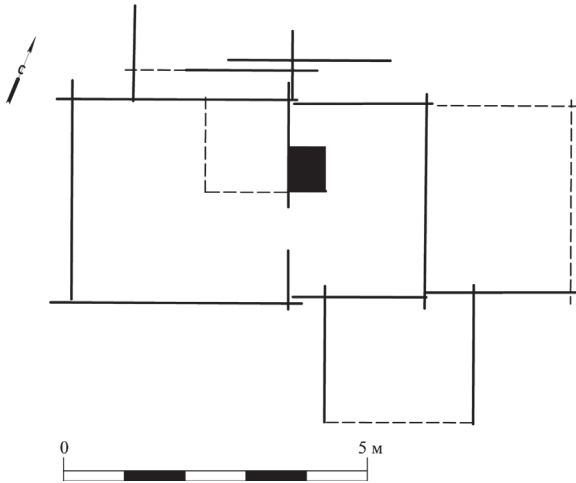

Рис. 34. План-схема помещений зимовья Здоровско

Изученная часть постройки представляет собой связь из трех помещений, вытянутых вдоль берега, с прирубленной клетью с юга (рис. 34). Судя по тому что вход в жилую избу был заложен, единственным помещением, использовавшимся промышленником в конце периода существования зимовья, были сени. Месторасположение постройки, уровень ее археологизации и найденные находки позволяют соотнести ее с зимовьем Здоровско и предварительно датировать серединой XVIII в.

Зимовье Корговое (Ершово)

Восточнее зимовья Здоровско, в вершине той же бухты находилось зимовье Корговое. В ведомости Мангазейского

уезда зимовья с таким названием нет. В ней указано, что в 12 верстах от зимовья Моржево находится зимовье корговское Ершово¹³⁶. Можно предположить, что речь идет об одном и том же зимовье. С бота «Обь-почталъон» 13 августа 1740 г. в зимовье были направлены Игнатий Гаврилов и проводник Федор Попов для «взятия» проводников, которые должны были показать проход в р. Пясины. На следующий день с той же целью туда был отправлен квартирмейстер Фурьев. 15 августа на судно был привезен Тимофей Рябов, который сообщил, «что де островами фарватера не знает же, а надлежит следовать с промериванием в тихой ветер». Рябов скончался спустя 4 дня около Нижнепясинского зимовья¹³⁷.

Предположительно остатки зимовья могут находиться в лагуне Арктикразведка, в устье одного из впадающих в нее ручьев.

Зимовье Пясинское

Пясинское зимовье находилось «на усть Пясины реки на острове подле матерую землю. А земля пошла под полуношник»¹³⁸. Остров имел ширину и длину по 3/4 версты, рядом с ним находился другой остров «а между ними протока саженой 30». На острове стояло два зимовья – Федора Попова и Трофима Юдина¹³⁹.

Зимовья посещались отрядом Д.В. Стерлегова. Проживавшие в нем промысловики стали его информаторами и проводниками. В зимовье хранились продовольствие и собачий корм отряда Стерлегова. После окончания работ отряда здесь было оставлено 14 собак «на откорм» с обязательством впоследствии их вернуть «соцкому» (местному начальнику) Звереву. Подойти морским путем к устью р. Пясины оказалось невозможным «за множеством астратов и случающихся ветров»¹⁴⁰.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122.

¹³⁷ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 71, 71 об.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122 об.

¹³⁹ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 114, 118, 119.

¹⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 74, 118.

В 1741 г. в Пясинское зимовье прибыл Х.П. Лаптев, завершивший обследование западного побережья Таймыра. Здесь он остался «весновать» из-за «худости собак»¹⁴¹.

В Новейшее время место расположения зимовья было определено на о. Чаек¹⁴². Остров входит в систему низких подтопляемых островов в дельте р. Пясины и находится на западном краю единственной судоходной протоки в нее. От острова до правого берега р. Пясины не менее 20 км. В настоящий момент острова или активно разрушаются, или разрушены и обнажаются только в отлив.

В.А. Троицкий обозначил остатки этого зимовья недалеко от избы середины XX в., где находились рыбные промыслы Большая Чайка¹⁴³. А.Ф. Лубнина считала, что остатки зимовья находились на перешейке между о. Чаек и берегом, затапливаемым в настоящее время и обнажающимся при сгоне воды. В этом проливе, по свидетельству местных охотников, были видны остатки фундамента срубов, замытых песком¹⁴⁴.

Работы на о. Чаек проводились в 2017 г. Тогда были обследованы сам остров и прилегающие к нему песчаные отмели, обнажавшиеся в отлив.

При обследовании о. Чаек, недалеко от зимовья второй половины XX в. был найден лишь один контур постройки размером 15х9 м, стоящей в 40 м от берега, в месте, где его обозначал В.А. Троицкий. При разведочной шурфовке фундамента постройки было установлено, что он сделан из чурок, уложенных горизонтально по периметру зимовья. Среди находок в заполнении встречено битое стекло, остатки сетей, деревянные поплавки и другой мусор. Устройство фундамента и сопутствующие

¹⁴¹ Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. С. 77.

¹⁴² Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 126.

¹⁴³ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 166.

¹⁴⁴ Лубнин Г.И., Есиков А.А., Лубнина А.Ф. Здесь ярче сиянья прошедших веков! // Диксонский вестник. 2009. № 5 (45). С. 1–3.

находки указывали на то, что это остатки разобранных промысловых сараев второй трети XX в. Никакого отношения к историческим постройкам они не имели.

Обследование песчаной косы между о. Чаек и берегом также не зафиксировало следов исторических построек.

Отсутствие следов Пясинского зимовья, возможно, связано как с развитием береговой абразии, уничтожившей место, где оно стояло, так и с неправильной идентификацией места его расположения.

Согласно съемке Д.В. Стерлегова, Пясинское зимовье располагалось в 4 верстах от зимовья Толстоухова, которое стояло на правом коренном берегу р. Пясины. Косвенные указания на то, что постройки располагались близко к правому берегу, содержатся в Ведомости Мангазейского уезда, в которой указано, что зимовье стоит «на острову, подле матерую землю»¹⁴⁵.

Зимовье Толстоухова

К 40-м гг. XVIII в. среди промышленников сохранились сведения о зимовье «поставленья Толстоухова» в устье р. Пясины¹⁴⁶. Эти постройки фиксировал Д.В. Стерлегов с Пясинского зимовья и указывал, что они находятся в четырех верстах от него на правом берегу р. Пясины¹⁴⁷.

Поиск остатков зимовья осуществлялся в 2021 г. на участке между мысом Лидия и мысом Острый, но оказался безрезультатным. Собранные данные о расположении других построек в заливе показывают, что постройка могла располагаться на правом берегу в устье р. Спокойной.

Зимовье Верхнепясинское

Зимовье находилось между Пясинским и Нижнепясинским зимовьями на восточном берегу Пясинского залива. На карте Ф.А. Минина оно изображено юго-восточнее о. Фарватерный.

¹⁴⁵ РГАДА Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122.

¹⁴⁶ РГАДА Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122 об.

¹⁴⁷ РГАДА Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 122.

Место расположения зимовья определил В.А. Троицкий, который обозначил наличие постройки 4х6 м недалеко от современного зимовья Лидия¹⁴⁸.

В 2021 г. в поисках зимовья осматривались берега между мысом Восточный и мысом Старожилов. Берега на этом участке сложены рыхлыми плейстоценовыми породами и активно разрушаются морским прибоем. Единственный участок, пригодный для постановки избы, находится в месте расположения зимовья Лидия, стоящего в небольшом заливе в устье пресноводного ручья. Зимовье Лидия многокамерное, состоит из нового сруба, прирубленного к более старой постройке (рис. 35). При обследовании низкого берега севернее зимовья в галечнике были зафиксированы остатки сруба с половыми плахами, задавленными галечным баром. Контур и детали постройки не фиксируются. Возможно, эти конструкции являются остатками Верхнепясинского зимовья, на которые были поставлены более поздние постройки. Других мест, пригодных для проживания на данном участке берега, нет.

Рис. 35. Зимовье Лидия. Вид с востока

¹⁴⁸ Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 124 (рис. 4).

Зимовье Нижнепясинское

Нижнепясинское зимовье являлось последней и самой северной постройкой в Пясинском заливе. В Ведомости Мангазейского уезда указано, что от него «земля пошла под глубник, а далее того никаких поселений русских людей не имеетца и никто из мангазейских жителей сказать не знает»¹⁴⁹. Зимовье являлось опорным пунктом для отряда Д.В. Стерлегова. Поэтому сюда были свезены запасы рыбы и собачьего корма¹⁵⁰.

Нижнепясинское зимовье на карте Ф.А. Минина обозначено на восточном берегу Пясинского залива, в юго-восточной его части. Абрис береговой линии на карте позволяет довольно точно соотнести его с современной топоосновой. Оно локализуется в широкой бухте между мысами Южный и Восточный. Впервые место его расположения было определено В.А. Троицким, им даны достаточно точные ориентиры его нахождения¹⁵¹. В 2021 г. зимовье было обнаружено по указанным координатам и описаниям.

Зимовье находится на восточном берегу Пясинского залива, в северной его части, на участке побережья между полуостровом Рыбный и заливом Лидия. Оно поставлено в вершине пологой бухты на эрозионном краю обширной заболоченной равнины. От моря зимовье отделяет намытый прибоем галечный вал.

Остатки постройки в рельефе представлены выраженным аморфным бугром, образовавшимся вокруг нее (рис. 36). Планировка постройки хорошо видна по выступающим валикам окладных венцов. С западной стороны постройка разрушается, в результате у жилого сруба обнажена западная часть. Хорошо видны конструктивные детали постройки и культурный слой, который смывается на пляж.

¹⁴⁹ РГАДА Ф. 199. Д. 481. Ч. 5. Л. 85 об., 122 об.

¹⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 48. Л. 117.

¹⁵¹ Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 120–126.

Рис. 36. Зимовье Нижнепясинское. Вид с юго-запада

Зимовье многочастное, состоит из четырех помещений. Три вытянуты по линии СЗ – ЮВ, еще одно присоединено к сеним с востока.

Теплый жилой сруб расположен в южном конце постройки и имеет размеры 3,8х3,2 м. Сруб рублен в обло из бревен диаметром до 0,3 м, чаши вырублены вверху и утеплены мхом.

Вход в жилую часть располагался с северной стороны. Справа от входа находилась печь, от которой сохранился оплывший бугор высотой 0,4 м. В обнажении западной стены видно, что пол сложен из расколотых в полбревна пластин. Лицевая сторона была затесана топором. На оборотной «горбатой» стороне на конце сделаны уплощения под поперечные подкладки из коротких бревнышек, на которых они и лежали. Половой настил в нижние венцы не врубался, доски уложены встык.

Нижняя часть зимовья утеплялась врубленным в окладные венцы бревном, закрывающим подпольное пространство с внешней стороны.

Выход из теплой избы осуществлялся в сени размером 3,3х3,2 м. Они с трех сторон образованы стенами сопутствующих помещений и сделаны по ширине жилой избы. Единственная внешняя стена, западная, собрана в набирку. Один конец, северный, встраивался в заплотный столб, другой встык совмещался с выпусками жилого сруба. Вход в сени и выход из зимовья располагались в юго-западном углу постройки, в месте соединения с выпусками теплого сруба. В первом венце вырублен порог, в углу которого сохранилась пятка, играющая роль петель на двери. Дверь открывалась вовнутрь на левую сторону.

Сени были теплыми. В юго-восточном углу, за стеной от печи жилой избы, виден развал печи с торчащими из его вершины остатками трубы. Она представляла собой конструкцию из бондарных клепок, внутренняя часть и конец которых обуглены. Печь была меньших размеров, чем в жилом зимовье. Северная стена сеней является совместной со стенкой амбара, а восточная – с еще одним помещением, предположительно «собачником». В сенях был пол, доски которого ориентированы по ходу движения.

Рис. 37. Колотушка для колки дров, зимовье Нижнепясинское

Хозяйственное помещение (амбар) имеет размеры около 5,5х4 м и собрано в заплот. Западная стена состоит из двух прясел, собранных в три столба. В стеновом наборе использовались бревна, концы которых затесаны на клин. Впускались они в столбы, в которых выполнен

продольный паз. Северная стенка собрана в заплот в одно прясло. Ширина амбара шире объема сена и жилого сруба. Перегородка между сенями и амбаром также выполнена в заплот, по центру стены находился вход с порогом в нижнем венце.

Последняя клеть размером 3х3 м пристроена с востока к сеням и выступает из общей линии. Остатки клетки задернованы, узлов и соединений не видно. В трещинах можно определить, что она была сложена из бревен диаметром 0,2 м.

Вокруг постройки, и в особенности с восточной стороны, площадка, на которой стоит зимовье, эскарпирована за счет завалинок и эвакуации мусора за зимовье. Таким образом, постройка оказалась на возвышении и не подтапливалась окружающими болотами.

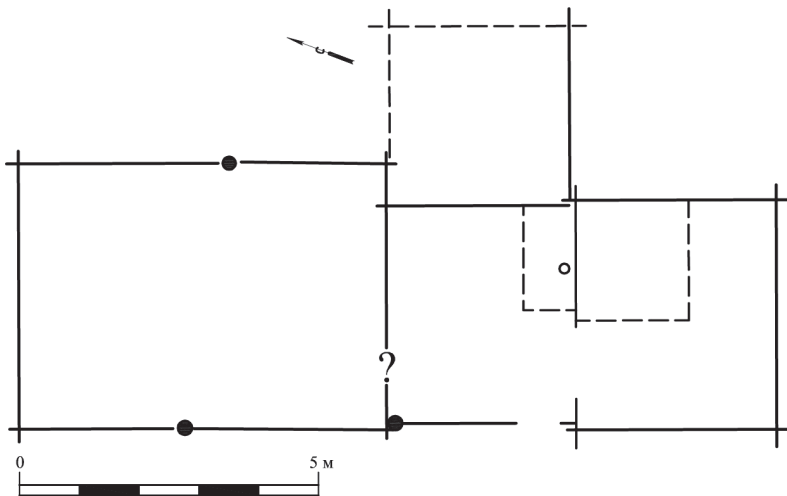

Рис. 38. План-схема помещений зимовья Нижнепясинского

Зимовье Нижнепясинское представляет собой многочастную постройку, основу которой составляет связь из трех помещений, вытянутых в длину (рис. 38).

Заключение

Освоение пространств Таймыра в XVII и XVIII столетиях хорошо укладывается в логику расширения Русского государства на северо-восток. Российский рынок и государева казна нуждались в постоянном притоке пушнины, поэтому русские промысловики прошли даже в такой экстремальный для проживания человека район, как Заполярье Приенисейского края.

Будучи в большинстве своем поморами и их потомками, покорители Таймыра удачно использовали традиционные навыки выживания и хозяйствования на Севере. Для таких людей было обычным делом возводить из плавника и разобранных кораблей зимовья, а также строить различные суда (кочи, дощаники, каюки, лодки) для плавания по северным рекам и по морю вдоль таймырского побережья. Результатами процесса освоения Таймыра русскими стали появление в пределах полуострова зимовий с постоянным населением и оформление транспортных путей, например «Хатангского тракта». Ближе к середине XVIII столетия к процессу промыслового освоения района присоединились якуты.

Ключевой задачей русских людей на Таймыре был поиск новых путей на его просторах, изучение берегов полуострова. В XVII–XVIII вв. неоднократно предпринимались попытки обойти Таймыр по морю. Из-за тяжелой ледовой обстановки сделать это не удалось. О таких неудачных попытках свидетельствуют находки на о. Фаддея и в заливе Симса, а также печальная история Ивана Толстоухова. Тем не менее, благодаря подвигу лейтенанта Х.П. Лаптева и его товарищей, берега Таймыра удалось обследовать и нанести на карту.

Расположенные на морском берегу промысловые постройки середины XVIII столетия являются интересными памятниками русского освоения Таймыра. Из-за особенностей археологизации этих объектов и практически полного отсутствия

вмешательства человека современный исследователь получает массу источников для изучения материальной культуры русских промысловиков.

Полевые наблюдения на участке морского побережья между Енисейским и Пясинским заливами зафиксировали, что основу промысловых построек составляла связь из трех частей изба – сени – амбар. Связь могла выстраиваться как в линию, так и «глаголем» (буквой «г»), в зависимости от топографических условий места расположения зимовья. Срок службы зимовья зависел от устройства его основания. Например, постройка в бухте Макарова была поставлена на специально подготовленной площадке, которая компенсировала неровности местности.

Основной постройкой каждого зимовья была изба, рубленая в обло с выпуском. Печи ставились у входа и занимали значительную часть помещения. Пол рубился из расколотых наполовину бревен, укладываемых на подкладки на уровне окладного венца. Сени могли делаться П-образным срубом, соединенным с избой встык, а также огораживаться стенами соседних построек. Как и избы, сени делались теплыми. Печи в сенях были меньших размеров, чем в жилой части, и ставились через стену с ней. Амбар выполнялся в смешанной каркасно-столбовой технике и делался без пологого настила.

Кроме связи из трех частей, в плане зимовья могут располагаться дополнительные помещения, характер которых не всегда ясен. Их расположение различно, они могли появляться в ходе перепланировок. Чаще всего такие помещения пристраивались для ездовых собак, и они фиксируются у ряда архитектурно целых строений середины 1930-х гг.

Трехчастная планировка была типичной для построек периода начального освоения русскими Сибири и является характерной для построек Мангазеи XVII в. Природная и демографическая среда прибрежной тундры позволяла данным

Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях _____

постройкам существовать длительное время без существенных трансформаций. Постройки окончательно прекращали существование после оставления промыслов.

В настоящий момент таймырские постройки активно разрушаются береговой абразией и в течение следующих 10–20 лет они могут быть окончательно потеряны. В этой связи необходимо внимание к вопросам сохранения археологических памятников, с которыми связаны важные события российской истории.

Список сокращений

ВГО – Всесоюзное географическое общество.

ИСХИ – Иркутский сельскохозяйственный институт.

МАКЭ АН – Морская арктическая комплексная экспедиция Академии наук.

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГО – Русское географическое общество.

РИБ – Русская историческая библиотека.

ЭБ ВСОРГО – Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Библиографический список

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII–XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. 303 с.
2. Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. Красноярск, 1929. 30 с.
3. Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5–6. С. 125–146.
4. Ауэрбах Н.К. К исторической археологии низовьев Енисея // ЭБ ВСОРГО. 1923. № 4. С. 14–16.
5. Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019. 302 с.
6. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского Государства XVII столетия. СПб., 1902. 611 с.
7. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. 376 с.
8. Белов М.И. История открытия и освоения северного морского пути. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. 594 с.
9. Бурыйкин А.А., Соловар В.Н. Исследования по этнографии и фольклору народов Сибири. Тюмень, 2017. 380 с.
10. Буцинский П.Н. Сочинения: в 2 т. М., 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым, Кетск. Тюмень. 328 с.
11. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. 248 с.
12. Вдовин А.С., Баташев М.С., Макаров Н.П. К истории археологического изучения Советской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19.
13. Вдовин А.С., Лысенко Д.Н., Макаров Н.П., Заика А.Л. Прошлое Енисейского Севера понемногу раскрывается: история и перспективы исследований русских поселений // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 114–119.

Библиографический список

14. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т 2. 610 с.
15. Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из шестнадцати уездов. СПб., 2008. 27 с.
16. Греков В.И. Очерки из истории географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. 428 с.
17. Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке // Проблемы Арктики. 1943. № 2. С. 195–226.
18. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII. М., 1960. 620 с.
19. Записки гидрографического департамента. СПб., 1851. Т. IX. 700 с.
20. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л., 1951. 252 с.
21. Косой А.И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути 1940–1941 гг. М., 1944. 159 с.
22. Лоция Карского моря. СПб., 1998. 472 с.
23. Лубнин Г.И., Есиков А.А., Лубнина А.Ф. Здесь ярче сиянья прошедших веков! // Диксонский вестник. 2009. № 5 (45). С. 1–3.
24. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. Новосибирск, 1992. 195 с.
25. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. Отд. 1. 238 с.
26. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. 800 с.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. 600 с.
28. Норденшельд А.Э. Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. СПб., 1881. 530 с.

29. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). М., 1895. Ч. 1: Документы воеводского управления. 430 с.

30. Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. 168 с.

31. Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. 167 с.

32. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. 392 с.

33. Рисунки к исследованию рыболовных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. 54 с.

34. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. 656 с.

35. Свердлов Л.М. Таймырская загадка. М., 2001. 147 с.

36. Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири // Известия ИСХИ: сборник работ кафедр охотоведения и зоологии. Иркутск, 1960. Вып. 18. С. 301–322.

37. Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: энциклопедический словарь. М.; СПб., 2019. 988 с.

38. Старков В.Ф. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М., 2011. 127 с.

39. Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера. Проблемы освоения. М., 1974. 366 с.

40. Троицкий В.А. Записки Харитона Лаптева. М., 1982. 144 с.

41. Троицкий В.А. Новые находки на острове Фаддея // Известия ВГО. Т. 105, вып. 1. 1973. С. 62–67.

42. Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Известия ВГО. 1974. № 2. С. 134–140.

43. Троицкий В.А. Остров Диксон. Красноярск, 1972. 144 с.

44. Троицкий В.А. Откуда землепроходцы XVII века пришли на Таймыр // Полярный круг: ежегодник. М., 1991. С. 154–165.

45. Троицкий В.А. Поселок Харитона Лаптева на реке Хатанге // Наука и жизнь. 1980. № 1. С. 30–32.

Библиографический список

46. Троицкий В.А. Развитие географических представлений о полуострове Таймыр (до начала систематических съемок в 20-х гг. XX в.: дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1975. 162 с.

47. Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 120–126.

48. Урванцев Н.Н. Таймыр – край мой северный. М., 1978. 238 с.

49. Филин П.А. Исследования следов русской экспедиции XVII в. на острове Фаддея Северный и в заливе Симса // Культурологический журнал. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/522.html&j_id=45 (дата обращения: 12.11.2022).

50. Чайковский Ю.В. Мысы Ледовитого напоминают. М., 2015. 400 с.

Содержание

Введение	3
Глава 1.	
Русское освоение Таймыра в XVII–XVIII столетиях.....	5
Глава 2.	
Исторические промысловые постройки на Таймырском побережье Карского моря (по данным археологического изучения в 2016–2021 гг.) ..	42
Заключение	104
Библиографический список	108

*Редактор М.А. Исакова
Оформление А.Ю. Халтаева
Верстка О.В. Мартученко*

Подписано в печать 15.03.23. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 3000 экз. Заказ 03-049

Типография ИП Азарова Н.Н.
Издательство «ЛИТЕРА-принт».
Красноярск, ул. Гладкова, 6,
т. 8-904-895-03-40

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
СИБИРИ